Алмазы для Золушки

Автор:
Данил Корецкий

Алмазы для Золушки

Данил Аркадьевич Корецкий

Шпионы и все остальные (АСТ)

Кира – дочь геолога, открывшего когда-то в джунглях алмазное месторождение, отправляется искать алмазную жилу в составе экспедиции. В этом поиске переплетаются интересы нескольких разведок и опасного авантюриста, а Кира пытается «вычислить» среди участников операции убийцу ее отца. Поход по джунглям опасен и полон приключений. Алмазного месторождения, обозначенного на карте, в реальности на месте не оказалось. Удастся ли определить настоящие координаты алмазов? Сможет ли бывший бухгалтер Кира выпутаться из этой запутанной истории? Сможет ли она отомстить за отца? И кто, наконец, получит вожделенные алмазы?

Данил Корецкий

Алмазы для Золушки

© Д. Корецкий, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Внучке Анастасии посвящаю

Глава 1. Пропавшие алмазы

Над залитыми предзакатным золотистым светом джунглями кружил небольшой военно-транспортный вертолёт Aerospatiale AS.332, известный также как Super Puma. Внешние блоки магнитометра, прикреплённые к боковым обтекателям шасси и в отличие от тела «Супер-пумы» не покрытые матовой краской камуфляжа, ярко посверкивали, отражая солнечные лучи. Вертолёт на малой высоте заходил на третий круг над одной из многочисленных излучин в верхнем течении Кванзы, забирая всё дальше на север, к границе Борсханы с Анголой.

Пилоты – два молчаливых африканца в изрядно потёртых, местами облупившихся летных шлемах и темных очках, были заметно напряжены. Не столько потому, что летать на малых высотах – дело довольно опасное в принципе – воздушная яма или нисходящий воздушный поток могут в любой момент привести к катастрофе; и даже не потому, что здесь вполне можно нарваться на автоматную очередь – агрессивность и кровожадность некоторых местных племен в последнее время опирается не только на луки и стрелы, но и на строго запрещенные автоматы Калашникова…

Источником их напряжения являлся сидящий сзади чернокожий полковник в форме Бюро Безопасности Борсханы – самого страшного учреждения страны, одно название которого вселяло ужас в сердца жителей. Причем, не просто какой-то полковник – это был сам Абиг Бонгани, Директор БББ! Его личное участие в экспедиции поднимало ответственность участников на высоту столь же смертельно опасную, как критическая высота полета… Впрочем, на лицах пилотов напряжение не отражалось. Они делали свою работу, и Директор не обращал на них внимания, он пристально наблюдал за четвертым, белым обитателем вертолета – субтильным, среднего роста молодым человеком в джинсовых шортах и линялой гавайке.

Французский геолог смотрел в монитор ноутбука, на который была выведена карта проплывающей внизу местности, и окошко измерительной шкалы

магнитометра. Время от времени он переводил недоуменный взгляд на развёрнутую на коленях бумажную карту-трёхкилометровку, пытаясь сопоставить нанесенные на ней значки и отметки с визуальной картой на экране, где они должны были проявляться в показаниях магнитометра. Но не проявлялись.

Иногда геолог, в поисках поддержки, косился на второго гражданского, тоже белого – господина Клемента, чопорного бельгийца, потеющего в нелепом для этой обстановки черном костюме с галстуком. Но контрольный комиссар Управления добычи полезных ископаемых ООН никаких ободряющих знаков не подавал. Лицо его было невозмутимым и соответствовало единственной задаче: удостоверить факт наличия на местности алмазного месторождения, отмеченного на карте. Или факт его отсутствия. Любой результат Клемента Петерса устраивал, потому что он за него не отвечал. Геолог, впрочем, тоже не отвечал за наличие внизу алмазов, но с него требовали положительного результата.

– Ну, что, Луи? – то и дело отрывисто спрашивал чернокожий полковник, который изо всех сил старался быть вежливым, хотя исходящие от него биоволны вызывали животный страх не только у местных пилотов, но и у ни в чем не повинного гражданина суверенной европейской страны.

– Пока результатов нет, – в очередной раз отвечал мсье Дюран – так солидно он представлялся поначалу. Но и Бонгани, да и все остальные, относились к нему как к несмышленому мальчишке-стажеру и обращались исключительно по имени. Луи то и дело посматривал в боковой иллюминатор, на колышущееся под воздушной струёй древесное море. Не так он представлял себе работу в Африке. Рутинная контрольная проверка перед заседанием Арбитражного суда ООН… Сумма гонорара оговорена вполне приличная, и он с удовольствием подписал контракт. Но о том, что придётся часами летать на сверхмалых высотах вверх и вниз по течению Кванзы, в опасной близости к агрессивным дикарям, ненавидящим проклятых белых, охотящихся за глазами Великого Юки, – как они называют алмазы, – в контракте не было ни слова. И о том, что летать придется на устаревшей посудине, давным-давно вышедшей из эксплуатации в европейских странах, в сопровождении страшного полковника, который плевать хотел на его университетский диплом, степень магистра и опыт полевых выходов и который может в любой момент просто-напросто выбросить его за борт – контракт тоже умалчивал.

Незаметно для Бонгани, геолог пощёлкал ногтем по монитору, как будто это был стрелочный прибор, в котором могли закиснуть контакты или склеиться шестерёнки. Цифровой индикатор, разумеется, никак не отреагировал, и геолог, неслышно вздохнув, отвернулся к иллюминатору. Пора было признать: проверка данных, нанесённых на геологическую карту, дала отрицательный результат. Алмазов в исследованном квадрате нет!

Винты вертолёта гнали по вершинам деревьев волну зелёных оттенков: кроны отклонялись, заголяя светлый испод листьев, метались, мелко подрагивали и выпрямлялись, возвращая к наблюдателю тёмные спинки. На толстых ветвях сандалового дерева француз заметил удава, подкрадывавшегося к стайке обезьян. Удав подобрался совсем близко и плавно подтянулся, сжимаясь в мускулистую кожаную пружину. Но то ли шум винтов, то ли тень вертолета спугнули добычу. Обезьяны сорвались с места, мелькнули в просвете между деревьями и скрылись в густой зелени джунглей. Могучая рептилия осталась ни с чем. Приноровившись к покачиванию кроны, удав перебрался с одной ветки на другую и заструился мощным телом вниз вдоль ствола. Похоже, он собирался найти другую жертву. И можно было с уверенностью сказать, что за этим дело не станет!

– Ну что? – в очередной раз спросил полковник. Таким тоном питон мог задать вопрос пойманной обезьяне.

– Пока результатов нет, – ответил геолог, стараясь, чтобы голос не выдал лжи. Но в данной ситуации правда может вызвать непредсказуемые последствия. Вплоть до того что он сам станет жертвой голодного удава…

– Почему? – грозно спросил Бонгани. – Что показывают твои приборы?

– Ничего. Индикатор стоит как вкопанный. Хотя, если верить карте, точка находится под нами. А любое крупное месторождение алмазов дает масштабную аномалию…

– Значит, внизу ничего нет? – полковник любил четкие и ясные ответы.

– Получается так, – вжав голову в плечи, ответил француз.

Но ничего страшного не произошло. Не потому, что Бонгани был законопослушным цивилизованным человеком. Но, как должностное лицо высокого уровня, он являлся прагматиком. И хорошо понимал: оттого, что он выбросит этого лягушатника из вертолета, месторождение алмазов не появится на своем месте, отмеченном на карте. А проблема гибели иностранного специалиста появится. Тем более что придурок в черном костюме – готовый свидетель обвинения, и если решать вопрос с лягушатником, то его надо отправлять следом… А это уж слишком, даже для Директора БББ!

– Поворачивай на базу! – мрачно приказал Бонгани в переговорное устройство.

Первый пилот, не оборачиваясь, поднял согнутую в локте руку, показывая, что услышал распоряжение командира. Вертолёт плавно сбросил скорость и слегка завалился на бок, закладывая вираж на Хараре. Геолог с облегчением откинулся к борту. Рискованные полёты, по крайней мере на сегодня, для него окончены. Через час-полтора можно будет расслабиться в столичном ресторанчике, в котором – если не наврал гостиничный портье, подают настоящий французский коньяк. Он приободрился настолько, что даже подмигнул возможному собутыльнику – господину Клементу, но покрытое потом лицо комиссара осталось по-прежнему невозмутимым и ответной реакции не последовало.

* * *

Выстроенный амфитеатром и отделанный темным деревом зал арбитража Управления добычи полезных ископаемых ООН, очевидно, был задуман архитектором как зримое воплощение основательности и верховенства права в его абсолютизированном западно-европейском понимании. Но сегодня солидное помещение олицетворяло, скорей, провинциальную рутину и тихую скуку, какая пронизывает деловой центр небольшого европейского городка в пятницу после обеда. Народу в зале было немного: белые и чернокожие клерки в строгих недорогих костюмах, юристы, мелкие чиновники из геологических управлений Франции и Борсханы, места на своих кафедрах заняли адвокаты в мантиях, но без головных уборов.

Основательных вальяжных персон, от которых стойко пахнет властью и большими деньгами, среди публики не наблюдалось, хотя они обязательно стоят за процессами, связанными с золотом, алмазами, молибденом и ураном. Только на верхних ярусах сидели несколько мужчин, чей весьма скромный вид,

стремление держаться незаметно и невыразительные, никому не известные лица свидетельствовали об отсутствии у них самостоятельных интересов. Опытный человек без труда мог определить в них «глаза и уши» тех крупных фигур, которые отсутствуют в зале, но незримо интересуются происходящим.

Пятеро немолодых судей в черных мантиях и квадратных конфедератках со свисающими набок кисточками привычно изображали заинтересованность в происходящем – кто более, кто менее успешно. Арбитражный суд, специализирующийся на спорах по эксплуатации земных недр, рассматривал вопрос о правовой принадлежности утраченного и вновь открытого алмазного месторождения. Претендентами выступали Борсхана, на территории которой располагалось месторождение, и Франция, заявлявшая право первооткрывателя на основе доверенности дочери российского геолога Быстрова – Киры Быстровой, ныне гражданки Франции Бойер.

Справа от судейского стола, в отгороженном резными перилами закутке, расположились пишущие и снимающие журналисты – из тех молодых пескарей, которых отправляют описывать самые малозначительные события, чтобы было чем заполнять пробелы газетных полос. Хотя дело, при соответствующей раскрутке, вполне могло претендовать на передовицы: как бы то ни было, речь шла о тяжбе за доли алмазного месторождения, обнаружение которого было связано с таинственными смертями, варварскими обычаями туземных племен, запутанными правами на открытие… Но Борсхана так далеко от Брюсселя, что безнадёжно выпала из списка поставщиков новостей, интересующих обитателей Европейского Союза – да и Управление добычи полезных ископаемых давненько не будоражило общественность волнующими историями. Разумеется, если бы делом заинтересовались ушлые акулы пера, то данный процесс мог приоткрыть свою сенсационную подоплеку, привлечь внимание публики и тогда пустых мест в зале не было бы вообще.

Будничный унылый процесс и шел уныло и буднично. Как всегда, слушание началось с прений сторон.

– Дело может показаться запутанным, – с нарочитой вежливостью обращался к судьям мсье Леже, представлявший Францию; по-английски он говорил довольно чисто, лишь не в меру звонкие «r» подсказывали, что это не родной для него язык. – Однако при ближайшем рассмотрении всё становится на свои места. По действующему закону о праве первооткрывателя специалисту, произведшему геологоразведку, в результате которой обнаружено

месторождение, и стране, на территории которой это месторождение располагается – принадлежат равные доли. Уверен, что господин Сент-Бёв прекрасно об этом осведомлен…

– Обращаю внимание уважаемых судей, что закон, на который ссылается мсье Леже, уже очень давно не имеет практического применения, – заметил представитель Борсханы, такой же, как его коллега, высокий, субтильный, оснащённый умелой сценической жестикуляцией – глядя на них, можно было подумать, что эти двое связаны кровным родством, столько в них было общего.

– Длительное неприменение закона отнюдь его не отменяет, – возразил Леже.

– Однако все присутствующие понимают, что букву закона оживляет правоприменительная практика, – Сент-Бёв пожал плечами, как бы извиняясь за то, что приходится произносить банальности в столь высоком собрании. – А практика на протяжении нескольких десятилетий не оставляет места для двусмысленных трактовок.

Адвокаты вяло пикировались – и судьи, и поднаторевшие в процессах клерки понимали, что они просто добросовестно отрабатывают свой гонорар.

В деревянных панелях за судейским столом открылась незаметная дверь, в нее проскользнула щуплая немолодая женщина с тонкой бумажной папкой в руках. Появление секретаря явно было неожиданным для сторон разбирательства: оба адвоката внимательно проследили, как она, положив перед председателем папку, так же быстро выскользнула из зала, бесшумно закрыв за собой поворотную панель.

– Мы лишь напоминаем достопочтимому суду, – продолжил Леже, – что сложилась устойчивая практика, согласно которой первооткрыватель получает 20–30 процентов, в зависимости от нюансов конкретного дела. Но никак не половину!

Председатель тем временем прочел документ и передал его судьям, сидевшим слева, а когда те ознакомились с коротеньким текстом, переправил бумагу направо. Склонив головы к центру, судьи принялись негромко о чём-то совещаться. Вид у них при этом был озадаченный.

– А с учетом того, что господин Быстров, производивший разведку месторождения, работал по найму, а не по собственной инициативе, и получил за это вознаграждение, то уместнее вести речь о нижнем пределе этой суммы, – по инерции продолжил адвокат, но оборвал себя на полуслове.

В помещении сгустилась тишина. Похоже, что-то пошло не так… Председатель басовито откашлялся.

– Видите ли, господа, – начал он неожиданно по-свойски, не тратя времени на процессуальные экивоки. – Мне только что представили справку, в которой указано, что при формальном контрольном обследовании координат спорного месторождения установлено: отмеченные на карте залежи алмазов реально в указанном месте отсутствуют…

Если в зале и так было тихо, то сейчас тишина стала мертвой. Председатель посмотрел поочерёдно на адвокатов. Сент-Бёв и Леже тоже ошарашенно переглянулись.

– Одним словом, алмазов, за которые вы здесь скрестили копья, на местности не обнаружено, – пояснил председатель, как учитель разъясняет очевидные вещи неразумным малышам. – Это очень странный факт, господа! В практике арбитража, насколько я помню, а я помню многое, прецедентов такого рода не было! Месторождения не имеют ног, и они никогда не покидают места, в котором были обнаружены…

Адвокаты заговорили одновременно, но председатель не стал их слушать.

– Довольно, господа, в любом случае ваше красноречие не возместит отсутствия результатов поиска. Слова не заменяют алмазов! – с этими словами председатель поднял деревянный молоток. Защёлкали затворы фотокамер.

– Ввиду отсутствия предмета иска прения прекращаются. Заседание суда переносится до прояснения вопроса о наличии предмета спора!

Молоток гулко стукнул в деревянную плашку, и в то же мгновение судьи, придерживая полы мантий, начали подниматься со своих мест.

Пришли в движение и все остальные. Клерки принялись собирать бумаги, готовясь вернуться в свои конторы и прикидывая, как будут рассказывать коллегам о казусе, свидетелями которого только что стали. Активней других неожиданно повели себя неприметные мужчины, всё это время неподвижно сидевшие в тени верхнего яруса. На ходу набирая номера мобильных телефонов, они быстро направились к выходу, явно спеша доложить об исходе разбирательства заинтересованным лицам.

Выпорхнув из-за зеркальных стёкол здания Управления добычи полезных ископаемых, по невидимым каналам сотовой и компьютерной связи, новость в считанные секунды достигла каждого из тех, кто её ждал.

В Париже, в давящей тишине кабинета с шумонепроницаемыми стенами и портретом президента де Голля на стене, начальник одного из подразделений Управления военной разведки майор Фуке угрюмо бросил в трубку: «Ясно. Ждите указаний», – и нажал кнопку отбоя. Положив мобильник на стол, он поднялся и, обхватив локти, в задумчивости качнулся с каблука на носок. Значит, карта Архангелов, к которой они так красиво подобрались через дочь покойного геолога, оказалась поддельной. Похоже, что он попал в ловушку. И потащил с собой весь свой отдел. Ай да Кира Быстрова! Даже не верится…

Не садясь, майор поднял трубку внутренней связи. Ему ответили не сразу, пришлось подождать.

– Господин полковник, – сказал он ровным, слишком ровным голосом. – Из Брюсселя доложили: при контрольном облете местности – это обычная формальность, не сулящая сюрпризов, однако на этот раз месторождение, отмеченное на карте Архангелов, фактически не обнаружено…

Трубка взорвалась возмущенным ревом.

– Нет, я не знаю, где оно, господин полковник…

Последовала пауза, во время которой Фуке кивал и с каждым кивком заметно мрачнел. Сторонний наблюдатель мог легко определить, что начальник его не хвалит. Это очень мягко говоря.

– Слушаюсь, – сказал Фуке, видимо, после того, как закончились слова у полковника. – Я немедленно приступаю к плану дальнейших действий. Да, эту версию отработаем в первую очередь!

Повесив трубку, Фуке нажал кнопку селектора.

– Все материалы по операции «Архангелы» и дело разработки Киры Быстровой немедленно ко мне! – приказал он и в ожидании принялся нервно ходить по кабинету.

Если он действительно попался на удочку русской разведки, подсунувшей поддельную карту, то карьере с треском придет конец! Но Быстрова не похожа на разведчицу! И потом, это они отобрали ее после тщательной проверки, и они использовали ее в своих интересах, а не наоборот! Значит… Есть надежда на случайность или какие-то другие, даже чисто технические причины… Тогда еще можно выкарабкаться!

Одновременно, за тысячи километров от Парижа, в здании Бюро Безопасности Борсханы, расположившемся недалеко от залитой щедрым африканским солнцем центральной площади столицы Хараре, разворачивалась очень похожая сцена. Директор БББ Абиг Бонгани принял звонок в тот момент, когда устраивал начальникам отделов выволочку за плохое пресечение доступа современного оружия в лесные поселения, а те вяло оправдывались трудностью оперативного проникновения в туземные племена. Выслушав известие о провале заседания арбитража, он нетерпеливым жестом отослал подчиненных и быстро набрал другой номер.

– Вы утверждали, что решение будет вынесено сегодня, – строго сказал Бонгани. – И даже без результатов контрольного облета!

– Я утверждал лишь, что шансы такого исхода велики, – ласково возразил собеседник. – Руководитель секретариата обещал придержать документ, но сегодня его вызвали в комиссию по апелляциям. Похоже, секретарша проявила чрезмерное рвение… Непредвиденная накладка… И потом, какой вам толк от решения по разделу месторождения, если его, как оказалось, вообще не существует? Тридцать или пятьдесят процентов от нуля – это все-равно ноль!

– Хорошо, что вы блестяще владеете математикой! – рявкнул Абиг. – Значит, не ошибетесь, возвращая аванс!

И, отсоединившись, добавил:

– Хотя я бы натянул твою шкуру на барабан!

Причем, это была не метафора и не гипербола, а искреннее сожаление, что в данном конкретном случае он не может применить хорошо зарекомендовавший себя способ наказания…

Абиг Бонгани тяжело вздохнул, полез в карман висящего на спинке кресла пиджака, вынул блеснувший золотым корпусом мобильник и, не глядя, нажал кнопку вызова. Похоже, в записной книжке имелся один-единственный контакт. Так и было: золотой «Vertu» служил для связи с Джелани Афолаби – исполнительным директором международной корпорации «Алмазы Борсханы». В иерархии борсханской элиты Афолаби был вторым после президента. Впрочем, на здешнем Олимпе расклад менялся в зависимости от того, какие карты оказывались в тот или иной момент у игрока захватывающей игры под названием «власть в Борсхане». И порой сложно было с уверенностью сказать, кто из них первый – президент Бело или директор Афолаби.

Джелани Афолаби, в национальной тунике с вышивкой в цветовой гамме драгметаллов от серебра до платины, сидел в глубоком плетёном кресле на террасе перед открытым бассейном своей парижской квартиры – одного из десяти его пентхаусов, разбросанных по столицам мира. Рожденный в семье выходца из племени фулари, сбежавшего из леса в город, где всю жизнь проработал базарным сторожем, он превратился в важную политическую фигуру, в богача, о котором пишут европейские газеты и шепчутся чиновники ООН, у которого сотни влиятельных друзей по всему миру… Своего положения Афолаби добивался настойчивыми усилиями, он поднимался из самых низов, расталкивая и перемалывая слабаков, сокрушая сильных, превращая несокрушимых противников в союзников. Он начал службу в Корпусе «Чёрных леопардов» и, в конце концов, возглавил его. Он усмирял взбунтовавшихся обитателей джунглей, воевал с многочисленными врагами, в которых часто превращались вчерашние друзья, учился в европейских университетах, закончил Военную Академию Франции… И, наконец, стал Директором БББ, в которое Корпус «Чёрных леопардов» входил в качестве силового подразделения. Отточенный ум и врожденное чутье помогали ему выбрать правильную сторону

при частых сменах режимов, которыми отличаются африканские государства. Никого не удивило, когда он стал Первым министром, а потом – начальником всей алмазодобывающей отрасли Борсханы. И вот он на самом верху…

Прекрасно сочетаясь с роскошной туникой хозяина, в бассейне неторопливо плавали четыре стройных девушки разных рас, оттенков кожи и цвета волос. Афолаби достаточно было сделать один телефонный звонок, чтобы красотки с дипломами лучших британских и французских вузов явились занять гостей приятной беседой либо скрасить их досуг каким-либо другим способом. Отстраненно разглядывая бассейн сквозь дымчатые очки, Афолаби курил кальян, и сверкающие на солнце клубы дыма уплывали под ажурный свод беседки. На звонок мобильника, лежавшего возле кресла на стеклянном столике, Афолаби отреагировал с некоторой задержкой: внимательно поверх очков всмотрелся в фотографию звонящего, будто собирался угадать, какое известие тот несет.

Это был Абиг Бонгани – тоже фулари, которого он по жизни тащил за собой, как тащит мощный локомотив прицепной вагон. Будучи Директором Бюро Безопасности Борсханы, он сделал Абига своим заместителем, он подписывал у Президента указ о присвоении ему звания «полковник», а когда стал Первым министром, посадил в свое кресло. Полковник служил ему верой и правдой, но так и не стал правой рукой Джелани Афолаби. Не тот человек, не того масштаба. Проклятье низкого рождения, которое так и не было преодолено, – вот оно, слабое место боевого полковника, прошедшего через правительственные перевороты и тюремные камеры. Афолаби знал и убеждался не раз: образованность, широта кругозора, умение трезво мыслить, понимать людей и находить к ним подходы важней умения подавлять сопротивление противника и сохранять спокойствие в экстремальных ситуациях.

– На связи, – наконец сказал Джелани Афолаби, и некоторое время молчал слушая доклад. Неспешно затянулся, запрокинул голову, выпуская кольца дыма.

– Плохо, – сказал, наконец. – И как ты можешь это объяснить?

– Похоже, наша красотка, подсунула французам поддельную карту, – в голосе полковника можно было различить легчайшие оттенки укоризны. В его сознании метод натягивания кожи на барабан никак не соответствовал методам хозяина, используемым в этом вопросе: торжественным приемам и катанием на дирижабле русской авантюристки…

Афолаби понял тщательно замаскированный намек и поморщился.

– Спрос за это будет не с нее, а с тебя, – перебил он подчиненного. – И ты знаешь цену вопроса!

Алмазный барон отключился. На другом конце связи Абиг Бонгани спрятал телефон и вытер вспотевшее лицо. Для человека, которого ради алмазов Архангелов освободили из самой страшной борсханской тюрьмы, цена вопроса выражается не в деньгах, даже если это сотни миллионов долларов. Он прекрасно понимал: вызовет недовольство – вернется туда, откуда его вытащили. И все из-за какой-то белой куклы, которая, на его вкус, вообще красотой не отличалась.

По Елисейским Полям, как всегда, двигался плотный поток машин и толпы пешеходов. Полюбовавшись Триумфальной аркой, Афолаби повернул голову в другую сторону, рассматривая Эйфелеву башню, которая величаво царила над городом. Но на этот раз умиротворяющие обычно картины не оказали своего целительного действия.

– Дай им по сто евро и выгони, – кивнув на бассейн, приказал он начальнику охраны.

Чернокожий гигант Мадиба Окпара молча кивнул. Афолаби даже не стал смотреть, как обнаженные гурии выбираются из воды и, принимая соблазнительные позы, вытираются цветными махровыми полотенцами. Затянувшись в очередной раз, он в свою очередь принялся звонить заинтересованным лицам.

Шейх Ахмед бин Касим принял звонок в рубке своей яхты «Ориент», которую готовил к знаменитым Дубайским гонкам. Он как раз собирался заложить крутой поворот на крейсерской скорости, когда заиграл телефон. Пришлось прерваться – судя по мелодии, звонил самый близкий друг. Шейх сбросил скорость, передал управление капитану и, перекрывая шум волн, разлетевшихся во все стороны от резко клюнувшей носом яхты, крикнул не остывшим от возбуждения скоростью голосом:

– Слушаю тебя, брат мой!

– Ты что, охотишься на акул? – спросил Афолаби. Шейх действительно любил это рискованное занятие и недавно, в акваланге и с пороховым гарпунным ружьем, добыл пятиметровую белую акулу, чем поставил рекорд в кругах экстремальных охотников.

– Нет, брат, всего-навсего обкатываю яхту, – засмеялся он. И прозорливо добавил:

– Да и ты, похоже, не сражался с крокодилами, а играл с целым гаремом красавиц!

– Не угадал, дорогой друг, они все мне наскучили, – ответил Афолаби. Он тоже был экстремальщиком и ценил адреналин в крови больше, чем крупные денежные поступления. – Хочу сообщить тебе, что алмазного месторождения, на которое мы с тобой рассчитывали, на месте не оказалось.

Если новость немного и огорчила шейха, то внешне это никак не проявилось: он тоже ценил адреналин больше денег. Правда, позволить это себе могут только люди, которые точно не могут назвать сумму своих активов.

– Неужели та русская красотка, которую ты катал на дирижабле, а я угощал икрой «Алмас», обвела всех вокруг пальца?

– Помню, она не оценила самую дорогую икру мира и сказала, что в ее родных краях водится икра ничуть не хуже, – ушел от ответа Афолаби, и внимательный собеседник это понял.

– Что ж, – дипломатично сказал Ахмед бин Касим. – Уверен, что с помощью Аллаха всемилостивого и всемогущего вскоре найдётся решение, которое устроит всех.

Разговор был окончен, он вернулся к штурвалу и принялся поднимать рычаг газа, разгоняя яхту.

Новость, словно круги по воде, разбегалась по миру. Одновременно с Ахмедом бин Касимом о неожиданном препятствии в квесте «Алмазы Архангелов» узнали Вильям Вебер, руководитель Международного валютного фонда, и Джеймс

Камински, заведующий правовым отделом Управления добычи полезных ископаемых ООН. Двое последних, получив известие, созвонились, и обменялись малопонятными для непосвящённых репликами.

– Горизонт в районе десяти пунктов.

– Если история затянется, падение будет глубже.

– Что тоже неплохой сценарий.

– Не спорю. А ведь та русская, которую наш друг катал на своем дирижабле, оказалась вовсе не такой простушкой, которой казалась…

– Несомненно… Но она и не показалась мне простушкой!

Через час на мировых биржах котировки алмазодобывающих предприятий упали на десять пунктов. Игроки, успевшие продать избыточные объемы акций по исходным высоким ценам, прикидывали будущие прибыли. Те, кто их купил накануне падения, вздохнув, строили планы по минимизации ущерба. В развивающемся государстве Борсхана биржевые новости вызвали болезненную реакцию. По национальному телевидению крутили телесюжеты, в которых демонстранты выкрикивали обвинения в коррупции перед резиденцией представителя ООН. Над головами возмущённых борсханских граждан вздымались плакаты, обвиняющие европейские государства в неоколониализме и картельном сговоре. Дикторы умело нагнетали атмосферу, рассказывая, что по «непроверенным данным» за демонстрантами стоит «мировой расизм» и «теневые воротилы».

Проблема «пропавшего месторождения» обсуждалась в правительстве Франции и на национальном телевидении – правда, главным образом, в специализированных программах, анализирующих финансовые проблемы, и в гораздо более спокойном тоне. Впрочем, из высказываний аналитиков несложно было понять, что и для Франции случившийся с алмазами Архангелов казус – довольно горькая пилюля.

* * *

В то время как на фоне потрясений мирового алмазного рынка в соответствующих кругах то и дело упоминалось имя Киры Быстровой-Бойер, обладательница этого имени, не подозревая о вспышке своей популярности проснулась в небольшом городке в пригороде Парижа.

Накинув на плечи длинный халат она вышла на открытую веранду, с которой открывался вид на виноградники соседней винодельческой фермы, обрывающиеся скалистым кряжем, густо заросшим травой. Вдали, правее кряжа, поблескивали на мягком утреннем солнце красные и желтые черепичные крыши. Едва ли не важнейшее достоинство домов – вид, который открывается с их верхних этажей на базилику Сен-Дени, в течение двенадцати веков служившую местом погребения французских королей. Кира влюбилась в загородный дом супруга – довольно старый, с глубокими трещинами на осыпающейся штукатурке – стоило ей подняться на веранду. И до сих пор, едва проснувшись, она спешила выйти сюда из спальни, легко расставаясь с ласковым уютом постели и любуясь зеленым привольем и изысканными линиями архитектурного шедевра, вдохновлявшего некогда строителей Нотр-Дама.

На столе из поперечного спила самшитового ствола Мадлен уже накрыла завтрак на двоих. Кира улыбнулась золотистому утреннему солнцу, воздуху, сочным краскам и, устроившись в винтажном деревянном кресле, принялась намазывать масло на круассан.

– Доброго утра, любовь моя, – сказал Жак, выходя на веранду. – Ты снова уклонилась от утреннего исполнения супружеского долга. Я думал, ты опять стреляешь в тире…

Тир был устроен в подвале здания, и Кира действительно любила проводить там время, расстреливая сотни патронов из десятка имеющихся у Жака пистолетов и револьверов.

– Неужели недостаточно было вечернего исполнения? – удивилась Кира. – Мне казалось, мы возместили друг другу супружеский долг лет на десять вперёд.

Она отложила нож и закрыла крышкой маслёнку.

– Э нет, – возразил Жак. – Такая арифметика мне не подходит.

Наклонившись, Жак поцеловал молодую жену в ямочку под ухом. Внешне у них была идиллия подлинной любви, в какие бы одежды эта любовь ни была одета, а особенно, когда одежды сбрасывались, и она оставалась совсем нагая.

– Бесполезно, – сказала Кира, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимый вид. – Система перезагружается.

– Что ж, – запахнув плотнее махровый халат, Жак уселся в кресло напротив. – Полагаю, завтрак ускорит процесс.

Усмехнувшись, Кира протянула ему намазанный маслом круассан. Что это – искренние глубокие чувства? Или оперативная игра? Иногда она ловила на себе испытующий взгляд мужа и понимала, что он задает себе тот же вопрос насчет нее.

– Спасибо.

Жак с аппетитом откусил и, подхватив серебряный кофейник с высоким носиком, ловко разлил по чашкам кофе.

– Ты официантом не подрабатывал?

– Нет. Если не считать подработкой одну из операций. Я провёл в роли официанта ресторанчика на Монмартре четыре смены.

– Ловили шпиона? – Кира застыла с ножом, занесённым над маслёнкой.

– Ну не то чтобы. Так… была слежка за второстепенным персонажем.

– Выследили?

– Можно и так сказать.

– Ну вот, – Кира надула губы, изображая обиду. – Все твои рассказы обрываются на самом интересном месте…

– А ты мне вообще ничего не рассказываешь, – дотянувшись, Жак погладил её выглядывающее из-под халата колено.

– А мне нечего рассказывать. Только про скучную работу в бухгалтерии. Я ведь не служила в разведке.

– Ой ли? – он бросил на нее тот самый взгляд. – Ладно, поверим на слово. Вот состаримся, будем развлекать друг друга шпионскими историями. Когда уже нечем больше будет развлекать. И сроки секретности пройдут…

– Договорились, – улыбнулась Кира.

– Не остыл ли кофе, мсье Жак, мадам Кира? – на пороге появилась Мадлен – немолодая служанка, работавшая в семье Бойеров с незапамятных времен и, по слухам, растившая маленького Жака. Сам Жак, впрочем, последнее утверждение опровергал.

– Нет, Мадлен, все замечательно, – ответила Кира.

Служанка смотрела на них и растроганно улыбалась. В каждом слове и жесте молодой супружеской пары читалась умилительная картина взаимной любви. Им было хорошо вместе, и они наслаждались близостью неспешно, смакуя все её оттенки. Во всяком случае, так казалось со стороны, и Мадлен была уверена, что так оно и есть. Соседи и знакомые тоже были в этом уверены. Словом, в искренности любовной идиллии не сомневались все, кроме самих молодоженов, которые свои сомнения тщательно скрывали не только от окружающих, но и друг от друга.

Телефонный звонок, донесшийся сквозь открытую дверь, пришелся явно некстати. Жак озадаченно приподнял бровь и отправился к мобильнику. Разговор оказался коротким, и к столу он вернулся озабоченным.

– Господин майор ждёт нас обоих. И просил быть у него как можно скорей, – сказал Жак несколько напряженным тоном. – Похоже, что-то случилось…

– Что могло случиться? И зачем понадобилась я? – Кира встревожилась, хотя постаралась не подать вида.

Ясно, что дело могло быть только в одном – в карте! Но карта безупречна: она не подделана и не исправлена – она изготовлена заново! Бланк нашли в картографической палате Борсханы, отпечатан он в то же время, что и оригинал, химический состав пасты, отметок и надписей подобран идентично с оригинальными, почерк Самуила тоже, причем он огрублен под походные условия, что делает стопроцентную идентификацию невозможной. И все же, если что-то и случилось, то – с картой!

– Не знаю. Я сказал, что мы завтракаем, – Жак пожал плечами, не глядя на Киру. – И выедем через десять минут.

– Тогда я пошла одеваться.

В конспиративной квартире DRM[1 - DRM – военная разведка Франции.], отведённой для такого рода встреч, но официально имеющей статус обычного жилья, сам воздух был пропитан духом холодной казённщины. Тщательно прибранные комнаты были напрочь лишены запахов, ни одна вещь, якобы служившая невидимым хозяевам, никогда не покидала своего места.

На мягком тканевом диване в небольшой гостиной сидели Кира и Жак. Пьер Фуке и его начальник полковник Жорж Кассе расположились в креслах напротив. Вступительная часть была коротка. Соблюдая правила приличия, – куда без них в Париже, – майор Фуке извинился за то, что пришлось сорвать Киру и Жака утром выходного дня, предложил им напитки, от которых они отказались, и выдержал многозначительную паузу. Взглянув на Кассе с таким видом, будто испрашивал разрешения говорить, Фуке кивнул и коротким автоматическим жестом поправил рукава рубашки.

– Известно ли вам, чем закончилось рассмотрения нашего дела в Арбитраже ООН? – обратился он к Кире.

– Нет, – ответила она настороженно. – Не известно.

Фуке снова зачем-то кивнул.

– Слушания отложены вплоть до обнаружения месторождения, из-за которого начата тяжба.

Кира и Жак переглянулись.

– Что это значит? – спросила она.

– Это, мадам, именно тот вопрос, который мы хотели бы задать вам, – с саркастической галантностью ответил Фуке и, помолчав немного, снизошёл до разъяснений. – Отмеченное на карте вашего отца месторождение на местности отсутствует.

Удивлённо вскинув брови, Кира собиралась переспросить снова, но лишь молча выпустила набранный в лёгкие воздух и беспомощно развела руками. Фуке буравил её внимательным взглядом. Кира выдержала этот взгляд, как человек, которому нечего скрывать и нет причин опасаться.

– Известно ли вам, мадам, – продолжил Фуке. – По какой причине реальность настолько разошлась с картографией?

– Мне кажется, вы должны понимать, – Кира пожала плечами. – Что я никак не могу знать таких вещей. Я нашла карту. Но не участвовала в её составлении.

Фуке кивнул ещё раз. Казалось, эти его кивки разбивали беседу на параграфы.

– Справедливое замечание, – сказал он. – Но, с вашего позволения, напомню, что по условиям сделки с правительством Франции вы получили гражданство в обмен на – цитирую: «Предоставление сведений, обеспечивающих доступ к алмазному месторождению, открытому при участии Дмитрия Быстрова»… Налицо, как ни крути, фактическое нарушение условий договора. Доступа к алмазам полученная нами карта не предоставила.

Пьер Фуке в роли агрессивного переговорщика существенно отличался от того милого шутника-недотёпы, которым предстал в самом начале их знакомства.

«Всё это маски, – думала Кира. – Все они тут – лишь набор масок, которые надеваются в зависимости от ситуации и решаемой задачи». Ей становилось не по себе в мире, где правят бал правдивая ложь и лживая правда, в компании людей, для которых двойное дно и умение манипулировать другими – важнейшие профессиональные качества. Хотя теперь и она сама должна в

полной мере ими обладать. Да и ее супруг…

Она незаметно покосилась на Жака: интересно, снимает ли он маску, когда они наедине? Например в постели? Сейчас внешне он был совершенно спокоен, хотя в душе наверняка волнуется: результаты этой беседы вполне могут сказаться на его дальнейшей службе. Но маска сидит на нем безукоризненно… Интересно, а на ней?

Полковник Кассе перехватил ее взгляд.

– Капитан Бойер, подождите в прихожей. Вы отвлекаете мадам Бойер.

Жак молча вышел.

– Итак, мы имеем сложную ситуацию, в которой ставки довольно высоки, – Фуке откинулся на спинку кресла. – Готовы ли вы, мадам, сотрудничать с нами в поиске решения этого острого вопроса?

Кира глубоко вздохнула. Всё было понятно без слов – ей уже не соскочить с этого корабля, отплывшего слишком далеко от берега. Ее куратор в Москве предупреждал: сколько бы проверок она ни прошла, сколько бы времени ни прожила во Франции, сколько бы полезного ни сделала для DRM – подозрения с нее никогда не снимут. Просто потому, что в мире разведок подозреваются все, только в разной мере.

– Конечно! – уверенно сказала она.

– Для начала у нас к вам довольно деликатная просьба, – Фуке сделал мимолётный жест рукой, который, похоже, заменял ему междометия. – Впрочем, вся наша работа состоит из вещей деликатных и очень деликатных, так что…

Вместо окончания фразы он широко развел руками – дескать, здесь все разумные люди.

– Ну, если речь не пойдёт о том, чтобы кого-то отравить, – едва заметно улыбнулась Кира. – То можете на меня рассчитывать.

– Отравления уже давно исключены из арсенала разведок, – совершенно серьезно сказал полковник. – Речь идет об испытании на полиграфе. Вы, конечно, знаете, что это такое…

Кира кивнула.

– Это детектор лжи. Хотите проверить, не вру ли я…

– Боже упаси! – притворно ужаснулся Фуке. – И в мыслях такого нет! Но подсказку, которая пряталась в вашей памяти, вы нашли после гипнотических сеансов доктора Вольфсберга. Память – сложная система, и мы хотели бы быть уверенны в том, что…

– Я поняла, что вы мне полностью доверяете, – Кира не скрывала сарказма. – Даже не знаю, чем я заслужила такое доверие. Ну, давайте ваш полиграф…

Фуке поднялся, неспешно пересёк комнату, молча открыл дверь в спальню. Оттуда также молча вышел человек, одетый в неброскую серую футболку и потёртые джинсы. В руках у него был классического вида кожаный дипломат.

– Симон прекрасный специалист, – отрекомендовал его полковник Кассе, как будто пытаясь смягчить неприятные моменты предстоящей процедуры.

Взгляд не задерживался на лице Симона, в котором мимика была доведена до минимума, как содержание жиров в диетических продуктах. На комплимент Симон ответил общим кивком и принялся за дело: положил дипломат на журнальный столик, открыл крышку и выложил провода с сенсорными датчиками, которые тянулись к ноутбуку в матовом металлическом корпусе.

– Вам здесь удобно сидеть, мадам? – мягко поинтересовался Симон у Киры.

Та кивнула.

– Тогда с вашего позволения…

Симон надел на изящные пальцы Киры две пластиковые прищепки, такую же, но побольше, прицепил на запястье, круглые датчики закрепил на висках с

помощью жесткой ленты. Он всё делал быстрыми, но точными, автоматическими движениями профессионала, хорошо знающего свою работу. Майор и полковник сели в углу и молча наблюдали за происходящим.

– Я буду задавать вопросы, отвечайте, пожалуйста, только «да» или «нет», – Симон говорил тем же мягким, почти безэмоциональным голосом, который теперь воспринимался как неотъемлемый элемент машины для разоблачения лжи. Даже его дружелюбная на вид улыбка была похожа на сигнал индикатора, информирующего о запуске процесса.

– Вас зовут Кира Дмитриевна Быстрова, ныне Бойер?

– Да.

– Вы родились и выросли в Москве?

– Да.

– Вы рассматривали когда-нибудь геологическую карту борсханского месторождения алмазов, составленную при участии вашего отца?

– Да.

– Вы рассматривали её до того, как изъяли из тайника, оборудованного в надгробном памятнике на могиле вашего отца?

– Нет. Как же я могла рассматривать её раньше, если я тогда её и нашла?

– Пожалуйста, только «да или «нет», – напомнил Симон. – Известно ли вам, почему отмеченное на карте месторождение не обнаружено на местности?

– Нет.

– Вы вносили какие-либо изменения в карту, о которой мы беседуем?

– Я?

– Пожалуйста, «да» или «нет».

– Нет.

– В детстве у вас была кукла?

– Что? А… ну да, да, да.

– В детстве отце рассказывал вам о борсханской экспедиции?

– Да.

– Вы когда-нибудь подделывали геологическую карту?

– Нет.

– Кто-нибудь с вашего ведома подделывал карту вашего отца?

– Нет.

Вопросы следовали один за другим. Симон зачитывал их плавно, одинаковым тоном, независимо от того, касались ли они детства Киры или допускали её участие в подделке карты. Вопросы повторялись по нескольку раз, менялись лишь формулировки. Чем дальше Симон продвигался по опроснику, тем яснее на лице Киры проявлялось волнение. Похоже, этот тест, который поначалу казался ей плёвым делом – ведь она понятия не имела, почему в борсханских джунглях не обнаружено алмазов, отмеченных на карте её отца, – не так уже безобиден. Казалось, она чувствует, как по тянущимся к ней проводам в её мозг проникает этот сосредоточенный холодный человек и разгуливает там, как домушник, проникший в квартиру в отсутствие хозяев.

Спустя полчаса, выжатая как лимон, Кира услышала:

– Мы закончили, мадам, большое спасибо.

– Надеюсь, на сегодня всё, господа? – спросила она подошедших к Симону офицеров.

– О, разумеется! – Фуке всплеснул руками. – Не смеем задерживать. Сейчас такой же процедуре подвергнется капитан Бойер. Вы можете подождать его напротив, на бульваре. Там в кафе подают очень приличный кофе. И прошу не отлучаться дальше Сен-Дени. По крайней мере, в ближайшие дни.

Через час супруги воссоединились и, усевшись в машину, отправились восвояси, чтобы перевести дух после нервного утра. А сотрудники DRM в конспиративной квартире увлеченно разбирались с показаниями полиграфа. Симон действительно был большим специалистом в своём деле: бессмысленную абракадабру зигзагообразных линий разной амплитуды он расшифровывал на лету, как опытный кардиолог читает кардиограмму.

– По Бойеру все совершенно ясно, – подвел итог он. – Капитан ничего не знает ни про карту, ни про алмазы, ни про пропажу месторождения. Что касается его супруги, то однозначных заключений дать невозможно: фон волнения настолько высок, что различить причины отклонений практически не удается.

– Как вы это объясняете? – хмуро спросил Кассе, пройдясь от кресла к комоду. – Я тоже волнуюсь на этих чертовых ежегодных тестах, но вы же определяете, что я не завербован противником, не сливаю никому секретную информацию, не занимаюсь гомосексуализмом и не употребляю наркотики!

Полиграфист собрал свое оборудование и закрыл портфель.

– Если вы хотите услышать моё мнение, выходящее за рамки данных, подлежащих интерпретации…

– Именно!

– Такая картина чаще всего наблюдается у далеких от наших дел людей. Они волнуются, и бессистемные сигналы замусоривают фон. Понимаете, когда человека готовят к разведывательной работе, его учат, как обмануть полиграф, как скрыть истину, как создать двусмысленную картину, не позволяющую сделать однозначный вывод. Но в данном случае… Похоже, что мадам Бойер никто и ничему не учил. В результате получаются не амплитуды правды или

лжи, а просто хаотичные сигналы тревоги!

– И какой из всего этого вывод?

Полковник Кассе открыл дверцу комода, за которой обнаружился бар. Вынув массивный хрустальный графин с коньяком и несколько грушевидно сужающихся кверху бокалов, он наполнил один из них до половины, показав жестом, что остальные могут последовать его примеру. Симон этим предложением воспользовался, а Фуке, соблюдая субординацию, воздержался.

– Скорее, это говорит в ее пользу, – сказал Симон, нюхая янтарную жидкость. – Похоже, она абсолютно не подготовлена к полиграфу.

– А все люди, причастные к нашим делам, как вы это называете, проходят такую подготовку, – задумчиво проговорил Кассе, подходя с бокалом к окну.

Фуке перевел дух и, раскрепостившись, тоже плеснул себе коньяку. Он помнил, что на эту квартиру завозится «Карвуазье ХО», и с удовольствием пригубил дорогой напиток. Повод для этого имелся: раз Быстрова не работает на русскую разведку, то и к нему никаких претензий быть не может!

– Что ж, спасибо, Симон, – полковник сделал большой глоток. – Аппаратные методы дали отрицательный результат. Но дело слишком серьезное, чтобы на этом остановиться. Поэтому, майор, тщательно обставьтесь оперативными материалами!

Фуке кивнул и последовал примеру начальника. Ароматная жидкость приятно обожгла гортань, скатилась в желудок, растопив по пути холодный комок ожидания неприятностей в области солнечного сплетения.

– Всё, максимально подробно, – внушительно сказал Кассе. – Проверьте ту работу, которую очень тщательно выполнила «Сьюзен» в Тиходонске. Биография, мужчины, подруги, любые, самые непродолжительные связи и контакты. И учтите, что наши африканские друзья тоже не будут сидеть сложа руки.

– Я понял, господин полковник! – Фуке щелкнул каблуками и с сожалением поставил недопитый бокал: хорошее впечатление на начальство произвести важней, чем посмаковать «Карвуазье ХО».

* * *

Механизм оперативной проверки, запущенный распоряжением полковника Жоржа Кассе, к вечеру этого же дня включился на полную мощность, тщательно просеивая каждый пункт информации о Кире Быстровой-Бойер. К работе были привлечены лучшие аналитики и хакеры DRM. Они пустились по цифровому следу Киры, поискали данные о её перемещениях: покупка билетов на самолёты и поезда, заселение в отели, банковский счёт, одноклассники, однокурсники и бывшие коллеги. Картина, представшая перед сетевыми ищейками, удручала своей беспросветностью и однообразием вплоть до того времени, когда унылая провинциалка внезапно превратилась в Принцессу. Впрочем, и фееричная поездка Киры в Ниццу не дала никаких зацепок. Поступившие в DRM доклады аналитиков были написаны как под копирку: результат нулевой, объект девственно чист.

Но сила любой разведки в системности. Люди DRM действовали по всем мыслимым направлениям и намерены были заглянуть в каждый уголок жизни алмазной фигурантки. Готовящая Киру к операции офицер с оперативным псевдонимом «Сьюзен», известная Кире под именем Диана Сорель, тоже прошла тест на полиграфе. Она подтвердила, что ее конфидент в Тиходонске – коллега Быстровой Алена Сорокина, подробно «осветила» фигурантку разработки, которая каждый день ходила в бухгалтерию и «тянула лямку», как все – с утра до вечера. То есть фиктивность бухгалтерской работы как прикрытие более серьезной деятельности исключалась полностью. Мужчин у нее не было, не считая странноватого друга детства Коляши – рассеянного математика, живущего в мире формул и мало понимающего в обычной человеческой жизни.

Правда, «Сьюзен» напомнила, что уже в Ницце Быстрова имела близкий контакт с русским бизнесменом Андреем Войтовым. Настолько близкий, что того пришлось вытеснять из окружения Киры, путем проведения специальной операции замещения, в результате которой место Войтова так удачно занял капитан Жак Бойер…

Трудно сказать, заинтересовало ли это сообщение майора Фуке: – профессионалы никогда не выдают своей заинтересованности. Зато он передал «Сьюзен» поручение полковника: восстановить контакт с мадам Быстровой-Бойер и пообщаться с ней в дружеской, раскрепощающей обстановке, способствующей взаимному доверию. «Сьюзен» приняла задание к исполнению, не спрашивая: «Зачем, если и так все ясно?» Как профессионал высокого класса, она знала: ясности никогда не бывает слишком много, да и лишней она тоже не бывает…

* * *

По странному стечению обстоятельств через несколько дней в московской квартире Андрея Войтова разыгралась сцена ревности. На кровати в спальне лежал планшет, с экрана которого улыбалась Кира во всём блеске своего великосветского образа – в кружевном платье от Готье, с бриллиантовым колье в глубоком вырезе и сверкающей камнями короне. Возле Киры, сияя образцово-показательной улыбкой стоял Андрей. Фотограф запечатлел парочку на Бале Цветов в замке Мон Дельмор, сразу после того как Кира Быстрова была объявлена королевой бала.

Маша, новая девушка Андрея, стояла перед ним в распахнутом халате. Сложно было разглядеть, чего больше в её вызывающе красивом лице – ярости или обиды.

– Ты мне ничего про неё не рассказывал! – Маша притопнула голой пяткой о ковёр, лежащий перед кроватью; получилось почти беззвучно. – А когда мужчина молчит о таких вещах, значит это для него серьёзно!

Потрясённый Андрей, стоя у окна, слушал молча, как слушают звуки мощной бури – оглушительные грозовые раскаты, гул и завывание ветра.

– А если ты, живя со мной, думаешь о другой, то убирайся вон! То есть я хотела сказать, я ухожу! Ни дня не останусь! Ни часа!

С Машей он познакомился на очередном деловом форуме, на которые с недавних пор стал хаживать ради картинки в СМИ, поскольку готовился к контракту с РЖД и необходимо было подретушировать парадный портрет. Красивая, с

шиком, не дура, мастерица в постели. А всё-таки без изюминки. Андрей, случалось, переживал на этот счёт: хотелось чего-то эдакого – того, что предлагала Маша, он перепробовал уже достаточно. И вдруг – это. Ураган на ровном месте. В приступе ревности Маша излучала ударную волну мегатонной силы, словно валькирия, летящая над полем боя.

– Что молчишь? Молчит он! Где мой чемодан?

– Наверное, у тебя дома, – с неловкостью произнес Андрей. – Тут ничего твоего нету. Мы всё новое покупали.

– Что?! – взвилась Маша. – Ты меня уже подарками решил попрекать?! А эту свою тёлку ты тоже попрекал? Бриллиантами?! Мне ни одного бриллианта, ни одного! А этой крысе – вон, килограмма три, не меньше!

Андрей подавил приступ смеха – не столько из-за опасения подлить масла в огонь, сколько не желая мешать внезапному представлению.

– Алмазы прокатные, – тихо сказал он.

– Что? – переспросила Маша. – Какие?!

– На прокат были взяты.

Маша прошлась по комнате, как голодный тигр, учуявший мясо.

– Кто она? – размашистым жестом указала на планшет, экран которого в этот момент погас – как будто его поразило сгустком энергии, выброшенной холёной женской ручкой.

– Ну, ты же читала эти статьи, там всё…

– Ты мне скажи! От тебя хочу услышать!

– Что именно, Маш?

– То, что туда не попало!

– Что ты имеешь в виду?

– Кто она? На самом деле, кто она? Там пишут всякую чушь про Золушку, но они бывают только в сказках! В жизни их тщательно готовят, воспитывают, одевают…

– Ну, – Андрей пожал плечами. – В общем, так и есть… в каком-то смысле Золушка… Никто ее никуда не готовил. Просто удачное стечение обстоятельств…

– Так! Хватит! – она снова топнула, на этот раз пол издал из-под ковра приглушённый стон. – Рассказывай все – или ноги моей здесь не будет!

– Что рассказывать, Машунь?

– Я уже сказала! Подноготную этой звезды! Всё, чего журналисты не накопали.

Андрей осторожно дошёл до кровати, сел на край. Так, ему казалась, сцена принимала несколько более интимный и, возможно, безопасный для него характер.

– Да я ничего и не знаю про неё. Честное слово. В общем и целом началось всё, как там описано, – он кивнул на планшет. – Несколько дней. Познакомились в Ницце на пляже. В море, если быть точным. Мальчишка тонул, она его пыталась спасти. Я оказался рядом, вытащил их. Говорю же, всё как ты уже прочитала. Потом я уехал по делам в Москву, а когда вернулся, она подцепила какого-то француза. Вот, собственно, и сказке конец.

Маша подошла ближе, внимательно посмотрела Андрею в глаза.

– Ещё что знаешь про неё?

– Да зачем тебе это?

– А! Так и знала! Что-то ты всё-таки скрываешь!

– Да не скрываю я ничего! – Андрей, не выдержав, усмехнулся. – Нечего мне скрывать. Покуролесили и разбежались. Она вроде бы за этого француза замуж вышла.

– Вроде бы? Откуда знаешь?

– Да новость где-то мелькнула.

– Всё-таки новость. А начал с того, что вроде бы. А всё-таки следишь за ней, интересуешься!

– Чёрт! – Андрей качнул головой. – Нет у меня сил с тобой спорить… поверх всякой логики… мозг закипает.

Он наклонился и потянул Машу за руку к кровати.

– Иди сюда. Попробую объяснить.

Беседа перешла в горизонтальное положение, которое в большей мере способствует слиянию душ и полной откровенности. Маша ухитрялась и здесь продолжать допрос, размягченный Андрей подробно и искренне отвечал. Минут через тридцать она вновь надела халат и ушла в ванную.

Там она вынула из кармана телефон и отправила смс: «Андрей никакой новой информации не представил. Даю сто процентов, что он ею и не располагает».

Маша понятия не имела, чье задание выполняет: у бизнесменов всегда есть конкуренты, и если кто-то заинтересовался какой-то телкой, значит, им это надо. Подробности ее не интересовали: главное, что работа была хорошо оплачена.

* * *

– Здравствуй, Диана!

– Привет, Кира!

Они обнялись и расцеловались, потом отстранились и внимательно осмотрели друг друга с ног до головы.

Диана почти не изменилась, только волосы осветлила, и надо признать, от этого только выиграла. Аккуратная прическа, черный брючный костюм строгого делового покроя, розовые «лодочки» на шпильке, в цвет туфель сумочка на длинном ремешке, которую она почти не снимала с плеча. Легкий газовый шарфик, тоже розовый, небрежно повязанный на шее, оживлял лицо и дополнял ансамбль.

– Не пойму, ты поправилась?

– Самую малость, – Диана небрежно взмахнула рукой. – Килограмм-полтора…

На самом деле вес у нее не изменился – ощущение полноты создавал кевларовый пулезащитный жилет, надетый под белую шелковую блузку на голое тело.

– Все равно ты выглядишь так же великолепно, как при нашей первой встрече в Тиходонске, – Кира засмеялась. – Да и при всех последующих. Я у тебя училась…

Действительно, теперь и Кира ей не уступала: ни в ухоженности, ни в одежде. Свежий маникюр, гладкая кожа, неброский макияж, короткое, но в меру – до колена, бежевое платье-карандаш, белые балетки на плоской подошве, блеск обливающих стройные ноги прозрачных колготок-невидимок…

– Ты оказалась хорошей ученицей, – кивнула Диана. – Как тебе здесь нравится?

– Прекрасно! Словно в сказке! А ведь ты и открыла для меня сказочный мир! Помнишь, как мы сидели в Тиходонске в «Пьеро»? Я впервые ела карпаччо, салат из морепродуктов, впервые пила французское шампанское – Моэт Шандон…

– Ну, у тебя и память! – рассмеялась Диана. – Помнишь, что мы ели, что пили…

– Еще бы! Ведь я тогда вообще впервые пришла в приличный ресторан! А ты была моей проводницей в сказочный мир Зазеркалья! Именно ты предложила поехать в Ниццу, а там вовсю закрутилась волшебная карусель! В результате я вышла замуж, получила французское гражданство, а уж приключений пережила больше, чем сотни моих сверстниц за всю жизнь!

Диана вздохнула и поскучнела.

– Ученица превзошла учительницу. Я никогда не каталась на волшебной карусели, не бывала в красивых сказках – только в страшных… Не становилась королевой Бала Цветов, а уж приключений моих – и врагу не пожелаешь… Кстати, и замуж я так и не вышла! А ведь я постарше тебя…

Кира перестала улыбаться.

– Я начинаю чувствовать себя виноватой!

Но Диана уже встряхнула головой, и налет печали исчез с ее красивого лица. Она опять стала прежней Дианой.

– Не обращай внимания! – ободряюще сказала она. – Сейчас само название места, где мы находимся, обещает чудеса, так что будем к ним готовы! Может, и мне повезет!

Они ужинали в ресторане «Жюль Верн» на втором ярусе Эйфелевой башни. Антикварная мебель, огромные окна от пола до потолка, наклонные решетчатые конструкции за ними и огни раскинувшегося в ста двадцати пяти метрах внизу огромного города – все это соответствовало фантастическим мирам великого писателя… Уже был съеден омар, фаршированный креветками, и они перешли к десерту – пирожным под шампанское «Мумм». Зал был почти полон: в основном, солидные пары средних лет или небольшие – по три-четыре человека, компании. Японцы, немцы, несколько англичан – французов почти не было, во всяком случае, в глаза они не бросались.

– О, к чудесам я всегда готова! – тут же откликнулась Кира. Она пребывала в прекрасном настроении – наверное, этому способствовали две рюмки десятилетней граппы цвета раскаленного закатного солнца или сыграли свою роль несколько бокалов какого-то крутейшего Шардоне, а может, она была

просто рада видеть давнюю знакомую, круто изменившую ее жизнь. Когда Диана позвонила, имитируя удивление открытия: «Привет! Оказывается, ты в Париже! Давай встретимся?» – первым чувством была радость и желание этой встречи! Как будто объявилась давняя задушевная подруга, внезапно уехавшая и забывшая оставить адрес… Подруга, открывшая для нее новый мир – огромный, сверкающий и переливающийся яркими красками…

– И если сюда причалит придуманный Жюлем Верном летающий корабль, я не задумываясь, перейду к нему на борт! – с подъемом продолжила она.

– Подожди, подожди, – Диана замахала руками. – Он же придумал подводную лодку. Эту, как его… «Наутилус»… Тут даже есть такой салат…

– Не только. И несколько летающих машин тоже. Кстати, я летала на одной, причем не придуманной, а настоящей. «Звезда Африки» называется. Знаешь?

Диана, конечно же, знала, но изобразила удивление.

– Что это еще за чудо?

– Дирижабль. Очень современный и комфортабельный. Принадлежит какой-то шишке из корпорации «Алмазы Борсханы»! – Кира допила свой бокал шампанского. – Джелани Афолаби – слышала? Он меня и пригласил на воздушную прогулку, потом на обед у себя на вилле!

Диана едва заметно улыбнулась.

– Слышала. А с чего вдруг он тебя везде приглашает?

Кира бросила на спутницу лукавый взгляд.

– Не знаю, – тут же тряхнула головой и улыбнулась. – Наверное, понравилась. Даже не «наверное», а точно – женщина ведь чувствует подобные вещи, правда?

– Чувствует! – согласилась Диана Сорель, отмечая, что полковник Кассе и майор Фуке были правы – объект вербовки привязывается к своему куратору: вон как непосредственно ведет себя серая мышка с картонажной фабрики, как она

расположена к ней, как раскована и откровенна! И это совершенно искренне, хотя они были знакомы всего несколько недель, а не виделись почти год… Правда, она выпустила Киру из тусклого и безнадежного существования в пропыленной комнатушке в настоящую жизнь – красивую и обеспеченную! Конечно, так бывает далеко не всегда: оперативные задания редко предусматривают облагодетельствование объекта. Крайне редко. В практике капитана Сорель это был единственный случай. Как правило, бывает наоборот…

«Сьюзен» недавно вывели из разработки опасного международного террориста, которого она влюбила в себя и заманила на «медовую неделю» в Трувиль, где его арестовали, судили и дали пожизненное… Естественно, после столь жесткого финала он вряд ли сохранил к ней нежные чувства и так душевно посидеть в ресторане им бы уже не удалось… Наоборот, неизвестно, сколько бы она прожила после встречи с бывшим возлюбленным или его друзьями: недаром в ее сумочке надолго обосновался нестареющий «Walter PPK» – изящный, безотказный, с точным и резким боем… Но с Кирой совсем другая истории…

Диана усмехнулась.

– Однако, ты, подруга, поднабралась опыта! Но не раскатывай губы – у него гаремы красавиц со всего мира… Может, ему от тебя было что-нибудь надо?

Официант бесшумно приблизился и наполнил опустошенные бокалы. Метрдотель тем временем встретил и провожал к столику с табличкой «Rezerv» четверых арабов в дорогих европейских костюмах. Диана невольно покосилась, срисовывая лица, и на всякий случай сдвинула стул, чтобы сидеть к ним не спиной, а вполоборота.

Кира многозначительно улыбалась.

– Было надо, но… Но, но, но… Но дело не только в этом! Впрочем, что мы все обо мне… Как твои дела?

– Да в общем нормально…

– Но, наверное, не так «нормально», как бы хотелось?

– Почему ты так решила?

– Ты менее оптимистична, чем обычно, более насторожена, не выпускаешь из рук сумочку… Не удивлюсь, если в ней окажется пистолет!

Диана принужденно изобразила ответную улыбку.

– У тебя разыгралась фантазия! Кроме контрацептивов, ключей и пары карточек там ничего нет. Правда, на счетах приличная сумма…

– Наверное, зарплата с премией? Кстати, где ты сейчас работаешь? – очень естественно поинтересовалась Кира. Непосредственность очень важна при разведопросе, который должен выглядеть как обычная застольная беседа. Для этого надо естественно «подводить» собеседника к интересующим тебя вопросам. Кире это удавалось не всегда, но сейчас получилось хорошо.

Они беседовали по-русски. Диана отправила в рот кусочек пирожного, запила шампанским, вздохнула.

– Пока в Министерстве иностранных дел. Жду назначения в какую-нибудь приличную страну. Но не исключено, что пошлют в Африку…

Женщины переглянулись. В глазах обеих на миг будто отдернулись глухие шторки и промелькнули тщательно скрываемые чувства. Они не раскрывали карты, но Кира прекрасно понимала, кто сидит напротив, ведь именно Диана непосредственно начала и успешно провела операцию, в результате которой она оказалась в Париже. Диана тоже знала, что ее профессия не секрет для Киры, и в свою очередь пыталась заглянуть ей в душу, поймать на косвенной информации, знаниях, не входящих в компетенцию, на неосмотрительных проговорках, в конце концов, установив ее причастность к русской разведке и грандиозной афере с алмазным месторождением… Но обе предпочитали обходить молчанием грубую шпионскую подоплёку красивой сказки. Да, мир груб, примитивен, коварен, нежные цветы успеха произрастают в почве, о составе которой лучше не вспоминать, и быть просто подругами. Насколько это, конечно, возможно…

– Так может, познакомить тебя с Афолаби? – предложила Кира. – Он может существенно облегчить тебе жизнь в Африке.

– Он может меня трахнуть, и на этом, скорей всего, наше общение закончится, – махнула рукой Диана. – А ты, судя по всему, серьезно его зацепила. Вот и не выпускай из рук – вначале держи мягко и нежно, потом постепенно показывай коготки…

– Но я ведь замужем! И Жак меня вполне устраивает!

– Это все равно, что сравнивать ваши «Жигули» и «Роллс-Ройс»!

– Я всю жизнь вообще ездила на общественном транспорте, – подмигнула Кира. – И только когда от меня получили то, чего ждали, удалось пересесть на автомобили.

Диана понимающе кивнула.

– В газетах писали про какую-то карту и про то, что ты наследница доли в алмазном месторождении… Значит, ты нашла отцово наследство – и вуаля: тыквы превратились в кареты, а мыши в гнедых коней?

– Ну, как-то так.

– Расскажи подробней. Мне жутко интересно, – Диана очень естественно изображала интерес. Кира не могла понять: зачем? Ей ведь дали прочесть личное дело… Или это тоже тактика разведопроса? Впрочем, «или» здесь не причем…

– Вспоминала, думала об этом, проходила сеансы гипноза… И в голове вдруг сложились части ребуса, как картонки пазлов. Щёлк – я вспомнила рассказ отца, что туземцы в Африке используют могилы в качестве тайников. Щёлк – поняла, где он должен был спрятать такую ценность, как алмазная карта…

Диана потянулась к ней бокалом, они чокнулись.

– За твои пазлы. А потом?

– Потом я на кладбище перед развороченным памятником, у меня в руках карта. И я позвонила Жаку – у нас была договоренность, – сказала, что согласна выйти за него замуж… Условная фраза: ведь по легенде, он сделал мне предложение… И конечно, счастливый жених на крыльях любви прилетел в Тиходонск, начались предсвадебные хлопоты, получение визы и все такое… А закончилось все настоящей свадьбой. Правда, не знаю, насколько она настоящая…

Она пожалела, что сболтнула лишнее: граппа, шардоне и «Мумм» делали свое дело.

– …но, во всяком случае, очень похожа на настоящую. И все условия выполнены: я получила гражданство, оговоренную сумму и перспективы доли в алмазном месторождении…

– А не было желания пойти с этой картой к своим? – полуприкрыв глаза, спросила Диана.

– Зачем? – ответила Кира, не слишком стараясь скрыть иронию. – Чтобы мне пожали руку и выдали грамоту? Так скорей всего я и этого бы не дождалась…

Кира выдержала паузу, заполнив её кусочком пирожного и глотком «Мумм».

– Вкусно. Ну, а ты как в Париже? Похоже, что ты переезжаешь туда, где нахожусь я. Правда, в Африку я не собираюсь, уж извини…

Диана тоже допила шампанское. «Объекты» обычно не знают о своих жизненных планах – ведь их составляют другие люди…

– Не преувеличивай значения совпадений. Переезжаю туда, куда направляют. Грех жаловаться: нормальная офисная работа, приличный оклад, есть свободное время. Хочешь, походим по музеям, вернисажам, премьерам?

– Ну… посмотрим, – уклончиво ответила Кира. – Я теперь женщина замужняя… Мне нужно учитывать мнение Жака.

– И как тебе этот Жак? – нарочито безразлично спросила Диана. – У вас действительно неземная любовь?

– С его стороны – да. Во всяком случае, мне так кажется.

– А с твоей?

– Мне хорошо с ним. Я всем довольна.

Диана чуть заметно поморщилась. «Еще бы: живешь у него дома, на всем готовом, не рискуешь жизнью, да что там! – вообще не думаешь о работе и о куске хлеба на завтра! Да ты должна ему ноги целовать! А еще рассуждаешь – «с его стороны, с моей стороны!»

Она отогнала неуместные сейчас мысли: эта простушка прекрасно чувствует настроение собеседника… И может сделать выводы… Надо затушевать свой интерес к этому вопросу!

– А парень, с которым ты была на балу? Вы видитесь? Перезваниваетесь?

– Нет. Он промелькнул мимолетно – и все. А кстати, откуда ты узнала мои размеры одежды? Еще тогда, в Тиходонске?

Этот вопрос тоже нарушал правила игры под названием: «Встреча давних подруг». Возможно, на лице у Киры отразилась та внутренняя настороженность, которую она так старательно скрывала от собеседницы. Но Диана безразлично махнула рукой.

– Не помню. Наверняка, ты же и сказала.

Они долго смотрели друг на друга, будто играли в гляделки. Кира моргнула первой. И не удивилась этому.

– Ты изменилась, – заметила вполголоса Диана.

Подруга помолчала, любуясь огнями вечернего Парижа.

– А ты осталась прежней, Диана, – наконец сказала она. – Впрочем, вряд ли тебя зовут Диана, правда?

«Сьюзен» ослепительно улыбнулась.

– Неважно, как меня зовут. Важно, что мы с тобой подруги. И у нас остались приятные впечатления от общения. Разве не так?

– Наверное, так, – кивнула Кира, хотя вовсе не была в этом уверена.

* * *

– Повторная проверка не дала ничего нового: ни один источник не добавил каких-либо ранее неизвестных сведений, – докладывал майор Фуке. – Принадлежность нашей подопечной Киры Быстровой, ныне Бойер, к русской разведке подтверждения не нашла, ее участие в фальсификации карты с высокой степенью вероятности исключено…

В кабинете полковника Кассе за внушительным офисным столом расположились его заместители и начальники отделов африканского направления и оперативной работы. Прошедшие дни были слишком загруженными, чтобы соблюдать протокол: обычно на такие совещания офицеры надевали форму, но сегодня все были в гражданском.

– Ваши выводы? – спросил полковник. – Кто мог исказить координаты на карте Архангелов?

Фуке заглянул в лежащую перед ним толстую папку.

– Факты не подтверждают целенаправленного искажения координат. Наши африканские партнеры, не располагая высококвалифицированными экспертными кадрами и современной криминалистической базой, обратились за помощью к нам…

– Хотя отсутствие точных экспертиз не мешает им каждый год осуждать тысячи своих соотечественников по самым абсурдным обвинениям, в том числе за колдовство или общение с духами! – раздраженно сказал полковник.

Фуке дисциплинированно выждал, пока шеф закончит фразу, и невозмутимо продолжил:

– Наши эксперты изучили подлинник карты. Физико-техническое исследование на газовом хроматографе показало, что бумага и нанесенные на ней знаки – все эти горы, леса, реки – соответствуют концу восьмидесятых годов. Никаких следов подчисток, исправлений и тому подобных вмешательств, обнаружено не было. Химический состав пасты, которой сделаны пометки, и надписи на обороте соответствуют тому же периоду времени. Почерк соответствует почерку Самуила, хотя походные условия нанесения надписей исключают стопроцентную идентификацию.

Все слушали внимательно и профессионально-понимающе кивали.

– Вывод? – резко спросил Кассе. – Я буду докладывать вопрос премьер-министру и не могу жонглировать перед ним научными терминами. Нужен ясный и понятный вывод!

Фуке кивнул.

– На данном этапе можно твёрдо утверждать, что в процессе картирования допущена ошибка. Скорей всего, она была случайной, с учётом сложных условий, в которых проходила экспедиция. Отсутствие провианта, утрата персонала, на который были возложены функции носильщиков, а главное, нападения местных племён – всё это могло сказаться на самообладании и профессионализме участников экспедиции.

Фуке закрыл папку, давая понять, что закончил излагать выводы аналитической группы. В кабинете потянулась пауза – одна из тех, без которых не обходится сложное совещание в кабинете босса.

– Как предлагаете устранить эту ошибку? – Кассе обвёл взглядом всех присутствующих.

Офицеры не спешили с ответом. Наверное, потому, что его не знали.

* * *

Такая же ситуация сложилась и на совещании в Бюро Безопасности Борсханы. Прожигаемый прямыми лучами безжалостного солнца двор Бюро был пуст, если не считать двух «черных леопардов», несущих караульную службу у главного подъезда. В самом углу, у забора, за которым начинались джунгли, стоял высокий столб с Т-образной перекладиной – на ней сидели несколько грифов. Еще с десяток стервятников, будто ожидая чего-то, совершали в вышине круги вокруг. У основного административного здания стоял построенный по специальному заказу «Майбах» с усиленным бронированием. Само совещание шло на втором этаже, в просторном кабинете Директора БББ.

– Итак, французские эксперты не нашли в карте подделок и исправлений. То есть карта правильная и месторождение алмазов нанесено на ней рукой открывателя. Но на местности не обнаружено никаких следов алмазов! – сидящий в кресле Директора Джелани Афолаби медленно оглядел руководителей подразделений, рассевшихся вдоль длинного стола с узорчатой полированной поверхностью. Он специально прилетел в Хараре, и это подчеркивало важность происходящего и тяжесть груза ответственности, лежавшей на плечах каждого присутствующего. Когда-то Афолаби был Директором БББ и с этой должности начал блестящую карьеру, заняв пост Первого министра, а потом вырос до исполнительного директора международной корпорации «Алмазы Борсханы». Но в своем бывшем кабинете Джелани чувствовал себя по-хозяйски, гораздо увереннее, чем действующий Директор – Абиг Бонгани, скромно сидевший справа от босса среди своих подчиненных. Впрочем, Афолаби так же уверенно чувствовал себя в любом месте Борсханы, да и, пожалуй, во всем мире.

– Что предлагаете? – негромко произнёс он.

Все молчали, понимая, что первым следует подать голос тому, кто готов взять на себя разработку и осуществление следующего шага в операции «Алмазы Архангелов». С учётом сложившихся обстоятельств ставки были слишком высоки. Офицеры БББ чувствовали себя игроками в покер, получившими плохую карту и не готовыми блефовать. В Африке проигрыш в служебный покер заканчивается отнюдь не понижением в должности и даже не увольнением. Неудачник может оказаться на том самом столбе, где стервятники за сутки обглодают его до костей.

– Что скажет Директор? – Афолаби чуть повысил голос, но в нем уже появились рыкающие нотки, как у голодного льва при приближении времени кормления.

Абиг Бонгани беспокойно заерзал на чужом месте.

– Надо все хорошо продумать, босс, – наконец произнес он.

– Сколько можно думать? Пора действовать! И в первую очередь спросить с участников поисковой экспедиции – почему месторождения не оказалось на месте?! Кстати, именно вы контролировали «Архангелов»!

– Я осуществлял общее руководство экспедицией, босс! – мягко возразил Бонгани. – Повседневный контакт с геологами поддерживал мой бывший заместитель Абрафо Траоле…

Он замолчал. Когда-то заместитель отправил его в самую страшную тюрьму Борсханы, но потом, волею судеб, поменялся с ним местами. Но попытка перевести стрелки на Траоле не удалась.

– На столбе поместятся и два человека, – мрачно сказал Афолаби.

– Так вот, об участниках экспедиции, босс… Один из Архангелов, под псевдонимом Самуил, убит. Второй – Рафаил, он же Антуан Вильре, предположительно находится на территории Франции…

– Так отыщите его, черт побери! – рыкнул Афолаби. – Он единственный из живых, кто видел месторождение на местности!

Афолаби встал, вынул из стоявшей перед ним деревянной шкатулки кубинскую сигару и ловко срезал конец серебряной гильотинкой прямо на столешницу. Подоспевший от двери адъютант щёлкнул зажигалкой Zippo. Это был один из важнейших навыков адъютанта: Афолаби любил, чтобы огонёк вспыхивал ровно в то мгновение, когда он подносил сигару ко рту. Однажды адъютант просидел трое суток в карцере за то, что зажигалка дала осечку. Ему повезло: шеф был в хорошем настроении, и он не попал на столб, к стервятникам.

Но сейчас все прошло безукоризненно. Афолаби затянулся, выпустил дым и зашагал вокруг стола. В кабинете воцарилась мертвая тишина.

– Из лиц, причастных к операции «Поиск Архангелов», создать экспедицию, – неожиданно заговорил Афолаби, адъютант зашуршал карандашом по блокноту. – В нее включить этого Рафаила, Траоле, геолога, который не нашел месторождения, и контрольного комиссара, который при этом присутствовал. Поручить им на месте еще раз проверить карту, учесть возможные погрешности и обнаружить потерянное месторождение. Организовать и возглавить экспедицию поручаю Абигу Бонгани. На его усмотрение можно привлечь еще специалистов, которые понадобятся. Наши друзья «лягушатники» наверняка захотят включить в экспедицию своих людей – у нас не будет возражений…

Поднявшись из-за стола, Бонгани вытянулся по стойке смирно.

– Благодарю за оказанное доверие, – произнёс он обязательную для таких случаев формулу. – Позвольте высказать некоторые соображения, босс.

Афолаби кивнул.

– Речь пойдет о Рафаиле, он же бывший капрал Иностранного легиона и бывший наш агент Антуан Вильре… После экспедиции он много лет пробыл в плену у племени буру, мы освободили его и поручили добыть карту месторождения у его напарника, но он провалил дело, Самуил по нелепой случайности был убит, а Рафаил скрылся…

– Зачем я должен это выслушивать? – резко перебил Афолаби.

– Я обязан довести до вас эту информацию, – Бонгани смутился, но все-таки продолжил. – Антуан не простой парень, в Легионе у него была кличка Ловкач. Он азартный игрок, в драках пускает в ход нож, его неоднократно задерживала полиция… С большой долей вероятности он может сидеть в тюрьме, а возможно, его вообще нет в живых…

Бонгани собирался сказать что-то ещё, но Афолаби раздражённо передёрнул плечами, и он замолк. По кабинету снова расползалась вязкая, настороженная тишина.

– Какая мне разница – жив он или мертв? – Афолаби грозно свел брови. – Ты отвечаешь за подбор экспедиции и ее результат! А ты пока жив – и я могу с тебя спросить! Приказ понятен?

– Так точно, босс! – ответил Бонгани и, садясь на место, подумал: «О, Великий Предок, за что ты снова подвергаешь меня столь жестоким испытаниям?»

Но Предок не отвечал. Да и Афолаби, что еще важнее, ничего больше не говоря, направился к двери и молча вышел. Бонгани бросился следом и проводил его до бронированного «Майбаха».

– Не подведи меня! – бросил босс на прощание. И многозначительно указал холеным пальцем на пока еще пустой столб с грифами.

В свой кабинет Бонгани вернулся совсем не тем человеком, который только что из него вышел. Грозный Директор БББ занял свое место и осмотрел подчиненных взглядом, которым недавно осматривал их Афолаби. Теперь он мог вывесить провинившегося офицера на столб. Причем степень, да и сам факт провинности определял именно он – Абиг Бонгани.

– Создать оперативную группу, вылететь во Францию и найти Антуана Вильре – псевдоним «Рафаил»! – коротко и четко приказал он. – Привлечь к поискам наших подданных, которых очень много в Париже! Доставить его живым и невредимым в наше посольство. Срок – три дня! Все свободны!

Офицеры БББ бросились к выходу. Все знали: время пошло!

Глава 2. Дезертир Иностранного легиона

Когда были деньги, Антуан Вильре предпочитал проводить пятничные вечера в «Гусе и противне». Сюда забредали разные люди – коренные парижане, туристы, гастарбайтеры, мигранты… Кто-то хотел отведать жареного гуся, кто-то искал знакомых или соплеменников, значительную часть составляли любители покатать кости наудачу. Антуану нравилось это место. Здесь можно было перекусить, выпить рюмочку-другую, срубить сотню-полторы и размять руку перед большой субботней игрой в «Ду Шаш». В этом полуподвальном баре, неподалёку от Латинского квартала, уже много лет собиралась не случайная мелочевка, а истинные любители и мастера игры, на которую Антуан подсел еще в Легионе.

Но в минувшую пятницу ему пришлось изменить своей привычке. По дороге в «Гусь и противень» он вдруг почувствовал необъяснимую тревогу. Всё было как всегда: знакомые до мозолей на глазах центральные улицы Парижа, припаркованные бесконечной цепочкой вдоль тротуара машины, серая брусчатка мостовой, спешащие куда-то туристы, шныряющие в толпе быстроглазые воры, скучающие на углах проститутки… Но он чувствовал: что-то не так в этой обычной парижской суматохе. Это было похоже на наваждение, которое давненько с ним не случалось. А всё-таки интуиция не раз спасала ему жизнь в те времена, когда он звался Рафаилом и сначала воевал в Легионе, затем бродил по джунглям в поисках алмазов, а потом двадцать лет жил в племени буру неподалёку от границы Борсханы с Анголой[2 - Упоминаемые в книге события описаны в романе «Лабутены для Золушки».].

Сделав вид, что читает меню, он остановился перед одним из крошечных баров, наблюдая в стекле отражение того, что происходит за спиной. Окружающая реальность спокойно и размеренно текла мимо. И всё-таки подозрения не рассеялись. Ему показалось, что двое прошедших мимо чернокожих, переговаривались о погоде какими-то неестественными голосами и громче, чем надо. Да и с чего бы обсуждать погоду в это время года, когда она почти всегда идеальна – выше двадцати и небольшие дожди один-два раза в неделю. К тому же, он знал, кто может послать за ним африканских парней.

Французской полиции Рафаил боялся куда меньше, чем БББ. У полицейских много работы, нет личной заинтересованности, зато есть сроки давности и короткая память. У борсханской спецслужбы наоборот: ни сроков давности, ни судов, ни адвокатов. К тому же, африканцев в Париже намного больше, чем полицейских – это обычные иммигранты, готовые за сдельную плату выполнить любую работу. И многие из них исповедуют культ Великого Юки. А для жреца этого культа Нгвамы Рафаил – заклятый враг. Однажды он – видит Бог, исключительно в целях самообороны, – порезал Нгваме осколком бутылки лицо, второй раз – уже по инерции развивающихся событий, воткнул ему нож в живот. И личную заинтересованность жреца все его адепты воспринимают как свою собственную, причем распоряжения, исходившие от Нгваме, они исполняли бескорыстно, из естественного желания задобрить опасных духов, с которыми жрец был на короткой ноге.

Рафаил продолжил изучение обстановки. Неестественно выглядел и тот белый в туристических шортах и футболке с надписью «All you need is love», который долго и увлеченно разглядывал витрину сувенирного магазинчика, хотя, Антуан

знал – в ней не было ничего примечательного: пыльные мельницы для кофе, кальяны, макеты Эйфелевой башни разных размеров и прочая туристическая ерунда. Вот он вполне может быть не каким-то тупым растяпой, а полицейским… Или человеком Бальтазара, которому он имел глупость, несчастье и беду проиграть четыреста евро.

Он вспомнил косую улыбку Бальтазара, не вызывающую у нормального человека ничего кроме настороженности и опасений, и его передернуло. Глупость состояла в том, что он вообще сел с ним играть, а несчастье – в том, что судьба раскладывала кости в пользу соперника. Беда же заключалась в том, что после ареста Большого Жерара Бальтазар начал зарываться, вести себя как новый хозяин Центрального Парижа – хотя вершиной его карьеры до сих пор были домовые кражи да ограбления припозднившихся богатеев. Он пускал в ход оружие без веских причин, давил любого, кто проявлял малейшую слабину. Рано или поздно это должно закончиться тем, что его обнаружат с лишней, – фатально лишней, – дыркой в организме. Но пока он куражился, как хотел. И Рафаил знал, что это неспроста: под рукой мелкого налетчика собралось не меньше десятка голодных дерзких отморозков, вышедших после недавних отсидок. И четыреста евро они никому не простят…

За хитрость и изворотливость в Легионе его называли «Ловкач», ему больше нравилось слыть «Ловким Антуаном», но сути это не меняло. И сейчас, осмотревшись, Антуан продолжил свой путь, но когда добрался до «Гуся и противня», то прошел мимо, зашел в соседнюю «Сову», хозяину которой иногда помогал разжиться качественной дурью, прошёл ее насквозь и через служебный выход выскользнул в переулок, ведущий к Пляс Пигаль, машинально погладив рукоятку выкидного ножа «Корсиканец», с которым никогда не расставался.

Те времена, когда у него водились деньжата, давно миновали. И как пополнить кошелек – неизвестно. Время от времени его приглашали взимать мелкие долги с неплательщиков, и это у него неплохо получалось. Но после того как сел Большой Жерар, такие предложения поступали всё реже и реже: расклад на рынке криминальных услуг менялся. Да и сам он, после очередной поножовщины, стал стрёмной фигурой, с которой лучше не иметь дел: опасность перевешивает выгоду…

Лёгкой трусцой он пробежался по извилистому переулку, пересёк площадь и свернул в сторону набережной. Заночует у Милены, новой подружки. Лишь бы её дочки-подростка не было дома: в квартире тесно, и девчонка ворчит, когда мать

за стенкой возится с мужиком. А конфликтов ему сейчас следует избегать любой ценой.

Рафаил шёл по людным вечерним улицам Парижа, и с каждым шагом его наполняла неприятная жалость к себе. «Старею, – пришла обречённая мысль. – Раньше так не раскисал». Он думал о том, что с каждым годом шансов окончательно опуститься и стать бездомным клошаром у него все больше, а возможность забрать спрятанные в тайнике, в селении буру алмазы – все меньше. И стоило подумать об алмазах, эта мысль закрутилась, засвербила у него в голове, как назойливый комар. В тысячный раз он представлял, как было бы здорово снарядить экспедицию в джунгли, достать драгоценные камни, вернуться и зажить безбедно, в собственном доме. Но все эти мечты заканчивались одинаково – он с неизменным раздражением напоминал себе, что на такую экспедицию у него нет ни денег, ни товарищей, ни сил. Зато в изобилии есть враги: полиция, разыскивающая его за грабежи, верные слуги Нгваме, а теперь еще и приспешники Бальтазара…

И сложно сказать, кто опасней – ищейки обиженного шамана или оскорбленного головореза. Похоже, всем и каждому в этом городе нужен Антуан Вильре, неспешно приближающийся к дому Милены. Причем, вовсе не для того, чтобы накормить, напоить и устроить на ночлег…

Подул прохладный ветерок, и Вильре плотней запахнул куртку. Через месяц наступит осень, потом зима. Где он будет ночевать тогда? Вряд ли роман с Миленой продлится дольше нескольких недель…

* * *

В Борсхане и в конце августа температура не опускается ниже плюс 28 по Цельсию. А в тюрьме не дует ночной освежающий ветерок из джунглей.

Весь покрытый потом, Абрафо Траоле лежал на циновке в восточном крыле тюрьмы, известной как Ферма дядюшки Тома, в той самой камере, где когда-то отбывал срок по статье «измена национальным интересам Борсханы» Абиг Бонгани. Недобрую иронию судьбы мог оценить только посвящённый. Траоле являлся заместителем Бонгани, когда случился очередной правительственный переворот. Директор БББ был ключевой фигурой павшей власти, такие первыми попадают под нож «революции». Гильотина, виселица, расстрел… Или столб со

стервятниками… Но Абиг Бонгани лично контролировал несколько очень важных и очень прибыльных дел. Зачем убивать человека, который много знает и умеет? Возможно, завтра он пригодится снова. В развивающейся африканской стране остро стояла проблема дефицита кадров.

«Лучше бы я его убил, – думал Абрафо, вдыхая до боли знакомый запах бетонной стены. – Была ведь такая мысль… Тогда директору БББ Джелани Афолаби некого было бы вытаскивать из тюрьмы, чтобы отправить на поиск треклятых алмазов. Но команды убивать никто не давал. А самовольство могло вызвать начальственный гнев, который тоже был чреват нехорошими последствиями. Словом, выбор так себе. Если уж в БББ выпадает плохая карта, игра выдаётся по-настоящему паршивая…»

Траоле отвернулся к стене, каждую щербину и трещину которой знал наизусть, и прикрыл глаза. Ещё одна ночь, ещё одно усилие заставить себя уснуть. Одно время, пока не кончились деньги, он наладил через охранников поставки снотворного. От таблеток его вырубало через полчаса. Но медикаментозный сон – слишком крепкий. Он не слышал, какие гадости рассказывает про него Гвембеш, когда он спит. А тот, в конце концов, сделал ему предъяву – якобы Абрафо, со сна, справил нужду мимо очка, и теперь из его камеры воняет на весь блок. Тюрьма никак не меняла Гвембеша – уже больше пяти лет его любимым занятием было глумиться над новичками. Хотя Траоле не был новичком и все знали подлую натуру Гвембеша, но оскорбления и глумления все равно не поднимают авторитета – как раз наоборот.

Две недели Гвембеш издевался над ним, как хотел. Много раз Абрафо оставался без еды, потому что Гвембеш успевал как-нибудь её опоганить – плюнуть в тарелку или бросить туда мокрицу. Но он недооценил бывшего сотрудника БББ. Однажды Абрафо Траоле так избил его на прогулке, что Гвембеш отлёживался в лазарете месяц, потом учился заново ходить на костылях. А когда переломы зажили, его стали выводить на прогулку отдельно от остальных, и по здешним меркам это был позор.

Абрафо понимал, что Гвембеш воспользуется любым случаем, чтобы поквитаться, и постоянно оставался начеку. Тем более что деньги кончились и от снотворного ему пришлось отказаться, теперь бессонница терзала его взамен Гвембеша. Или наряду с ним.

Абрафо вздохнул и принялся мысленно считать слонов. Коров он считал на прошлой неделе. Помогало плохо. Он забылся тяжёлым душным полусном, когда ночь уже катилась к рассвету. В ночном мороке проплыли обрывки каких-то картин из прошлой жизни – почтительные, зависящие от него люди, важные, хорошо обставленные кабинеты. Едва развернувшись, красивые сны схлопывались в чёрный, наполненный чужим дыханием мрак. А потом и мрак лопнул, как мыльный пузырь, опустившийся на землю.

– Вставай! – услышал он.

Голос был негромкий и как будто не слишком злой. Ещё не вернувшись окончательно в реальность, Абрафо знал, что у камерной решетки стоит тюремный охранник из заступившей смены, который пришёл, чтобы увести его перед общей побудкой.

Абрафо сел на циновку, прислушиваясь к бешеному стуку сердца.

– К двери!

Он шагнул к решетке, отделяющей камеру от коридора, привычно расставил ноги и вскинул руки на стену. Охранник ощупал его скользящими движениями и усмехнулся, ткнув локтем в рёбра – но беззлобно, как будто даже дружески.

– Ишь, как сердце колотится! Не бойся, не на столб веду!

Траоле облизал пересохшие губы. Он знал, что в карцер и на столб отправляли с общей утренней переклички – так получалось наглядней и поучительней. Перед побудкой выводили тех, кого ждали руководители тюрьмы, либо иные заинтересованные лица из внешнего мира, облечённые властью карать и миловать.

– Выходи. Руки за спину.

В коридоре, позёвывая, дожидался второй охранник. Траоле подумал, что парни, похоже, не выспались – и, скорей всего, он смог бы намертво уложить обоих, только как выбраться из бетонных казематов со стальными дверями и охранной сигнализацией?

– Прямо!

Траоле выполнил команду. По обе стороны коридора, за решетками одиночных камер раздавались звуки, шевеления и проклятия от утреннего возвращения из чудесных снов в будни тюремного ада. Впрочем, вряд ли здесь кому-то снились чудесные сны: ад владел осужденными круглосуточно…

Впервые за всё время отсидки его вели не в душевую, не к прогулочному дворику, не к оперативникам и не к врачу. После второго досмотра в тамбуре, выводящем в административный корпус, они поднялись по лестнице, и охранники приказали повернуть направо. Траоле понял, что его ведут в кабинет Амана Кермеса, начальника тюрьмы. Сердце вновь заколотилось – на этот раз радостно. Визит к начальнику несет с собой перемены!

Траоле нервно улыбнулся и вдруг громко икнул. Охранники за спиной рассмеялись и обменялись репликами на языке тутси. «Самая тупая народность, – злорадно подумал Траоле. – Они на много ступеней ниже нас – донго!» Но вслух, естественно, ничего не сказал: пока власть и дубинки в их руках! Вот если его судьба чудесным образом изменится…

Они свернули в крыло руководящего состава, и звук шагов пропал: на полу лежали ковры. У Кермеса были свои представления о том, как должны быть обставлены апартаменты начальства. Наконец, все трое остановились у двери из красного дерева. На блестящей металлической табличке витиеватым шрифтом было выведено: «Его превосходительство Аман Кермес». За спиной больше не смеялись и не переговаривались – здесь начиналась другая реальность, перед лицом которой охранники чувствовали себя так же, как заключенные чувствуют себя перед ними. Один из тутси с таким видом, будто сует голову в клетку льва, робко заглянул в приёмную и тут же вернул голову обратно в коридор и кивнул Траоле:

– Можно, – в голосе его проскользнуло что-то похожее на вежливые нотки. – Входите…

Абрафо Траоле, бывший начальник, занимавший различные должности, а ныне бесправный заключенный, перешагнул полированный порог. И сейчас осколки характера начальника оживились и стали соединяться, вытесняя убогую сущность обитателя Фермы дядюшки Тома. Он даже выпрямил спину и

приосанился.

– Вас ожидают, – сухо бросил помощник Кермеса, не поднимаясь из-за своей резной конторки, выполненной в стиле ретро.

В кабинете, заставленном мебелью из черного дерева, за длинным столом для совещаний его ждали двое – Аман Кермес, затянутый в строгий форменный китель, и Абиг Бонгани в штатском. Траоле встряхнул головой. Он не знал слова «дежавю», но то, что эта сцена уже происходила в его жизни, помнил совершенно точно. Только тогда Бонгани в арестантской робе привели из режимного блока, а он, будучи Директором БББ, в легком европейском костюме, вальяжно сидел с Кермесом за столом и пил коньяк.

А пришел он, чтобы предложить заключенному заработать свободу содействием в поиске карты алмазного месторождения. Сейчас картина повторялась, даже костюм Бонгани кроем и оттенком напоминал тот, в котором семь лет назад в этот же кабинет явился он сам! Неужели нарочно подобрал такой же? Да нет, чушь…

– Присаживайся, – пригласил Бонгани.

Траоле молча сел за стол. На дальнем конце, где к длинной столешнице примыкал короткий стол Кермеса, он заметил поднос с хрустальным графином и бокалами. Судя по цвету, в графине был коньяк или виски. В прошлый раз хозяин кабинета лично наливал ему элитное спиртное. Но сейчас, даже уловив его жадный взгляд, Кермес только поморщился.

– Как видишь, Абрафо, жизнь напоминает качели, – спокойно произнёс Бонгани, глядя на Траоле с гримасой легкого презрения.

– Я бы сказал, она похожа на игру в загадки, – Траоле старался, чтобы голос его звучал так же солидно, как голос Бонгани, но чувствовал, что у него это не получается. – Когда судьба задаёт тебе какую-нибудь загадку, ты вынужден давать тот ответ, который она от тебя ожидает. Иначе судьба засчитывает тебе проигрыш и…

Абиг Бонгани понял смысл замысловатой метафоры бывшего подчиненного и начальника. Когда-то они немало времени провели вместе и менялись

должностями. Сейчас наступило время очередной рокировки.

– О, я совсем не злопамятный, – сказал Бонгани. – Я понимаю, в какую игру мы все здесь играем и каковы в ней ставки. И не смотри так жадно на спиртное, с утра приличные люди не пьют!

– Я тоже не пью, – сказал Траоле. Ему в голову уже ударила волна опьянения – но не алкоголем, а близостью вожделенной свободы. Просто так Директор БББ не приходит к заключенному.

– Понимаю, ты намекаешь, что тоже относишься к категории порядочных людей, – кивнул Бонгани. – Но это должно подразумеваться само собой…

Начальник тюрьмы усмехнулся, поняв издёвку. Заключенный просто не обратил на нее внимания – он думал совсем о другом. Разумеется, Бонгани пришёл, чтобы предложить какую-то сделку. Разумеется, Траоле заранее согласен. Что бы за это ни пришлось сделать. Кого-нибудь застрелить. Сдать всю цепочку причастных к распилу ооновских денег. Поделиться адресом тайника, в котором спрятан компромат на верхушку правительства. Даже опубликовать фотографии президента с итальянской любовницей. Но ритуал следовало исполнить от начала до конца – и поэтому Бонгани говорил, а Траоле слушал.

– Не знаю, что ты успел себе нафантазировать… Неплохо было бы подключиться к твоему мозгу и прочитать мысли, которые сейчас там крутятся. Но, к сожалению, таких технологий наши белые партнёры нам пока не поставили. Итак, – Бонгани чуть повысил голос, переходя к главной части разговора. – Я пришёл с тем же, с чем приходил сюда ты, Абрафо. Алмазы Архангелов. Они не найдены. Карта у нас, но в ней допущена какая-то ошибка. Возможно, намеренно. И с этим предстоит разобраться в полевых условиях. Попросту говоря, мы отправляем экспедицию, которая пройдёт по маршруту Архангелов и найдёт разгадку ребуса, который они сочинили. Или не они, а кто-то другой. Или сама судьба… Что скажешь, Абрафо?

Бонгани впервые с начала их встречи улыбнулся – почти как в те времена, когда они работали в паре.

– Похоже, это дело связывает нас неразрывными узами.

Не думая о том, как это выглядит, Траоле встал, налил себе коньяку и одним шумным глотком осушил бокал. Ему выпадал вполне приемлемый расклад. Экспедиция по джунглям – не самое страшное…

– Я готов.

– Разумеется, ты готов, – Бонгани вдруг рассмеялся. – Никаких сомнений на этот счёт у меня не было.

И в этот момент Траоле понял, что упускает важную деталь. Основа его новой жизни, а после тюрьмы жизнь всегда начинается с нуля – закладывается сейчас: с первых жестов, с первых сказанных в этом кабинете слов. Оттого, как он себя ведёт, будет зависеть отношение к нему Бонгани. Будет ли тот обращаться с ним как с равным или начнёт давить, как охранники на заключенного.

– Гарантии будут? – обронил он, меняя тон.

– Обсудим по дороге.

Похоже, Бонгани действительно торопился. Или не хотел вдаваться в детали при тюремщике.

– Я вижу, каша уже заварилась, – Траоле поднялся из-за стола. – По дороге, так по дороге. Но я прошу позволить мне по дороге еще зайти в мою камеру…

При этих словах начальник тюрьмы и полковник Бонгани удивлённо переглянулись.

– Там остался дорогой мне амулет. Это не займёт много времени.

– Что ж, – Бонгани пожал плечами. – Я не возражаю.

Кермес нажал на кнопку, встроенную в стол, через секунду в бесшумно отворившихся дверях появился помощник.

– Пусть господина Траоле сопроводят в камеру, а затем обратно в мой кабинет, – распорядился Кермес.

Через несколько минут Траоле снова шёл по направлению к режимному блоку. И хотя внешне в нем ничего не изменилось и тюремная роба с номером «24» осталась той же, он чувствовал себя совсем другим человеком. Охранники не знали, как себя с ним вести: уверенная походка, выпрямленная спина и поднятый подбородок, а главное – исходящие от него флюиды давали знать, что недавний заключенный вернулся в статус высокопоставленных господ начальников. Как бы подсказывая охранникам правильную линию поведения, Траоле не держал руки за спиной, а скрестил их на груди. Когда-то он любил эту позу, подсмотренную на картинах, изображавших французского императора в треугольной шляпе. И конвоиры не осмелились вернуть его к установленному порядку движения.

В блоке для пожизненно заключённых его возвращение встретили приглушённым гулом голосов, который, усиливаясь, разбегался по коридору, как шум начинающегося шторма. Траоле вразвалочку шёл вдоль решеток, самой походкой демонстрируя, что он не ровня здешним обитателям: он здесь гость и заглянул ненадолго. Возбужденные выкрики заключенных звучали для него, как салют на церемонии чествования:

– Везунчик проклятый, оторвись там на воле за всех!

– Вспомни, как я выручал тебя пойлом и сигаретами! Вытащи меня отсюда! Буду служить тебе, как пёс!

– Хоть передачку передай, нормальную жратву…

Траоле остановился перед камерой Гвембеша. Охранники растерянно встали поодаль. Заключённым не разрешалось останавливаться в коридоре без команды. Но номер «24», похоже, уже не заключённый…

– Эй, Гвембеш! Иди, попрощаемся! Тебе нужна передача?

Прихрамывая, к решётке настороженно приблизился Гвембеш.

– Мне?! – он явно не знал – верить ли такому неожиданному и великодушному предложению. Хотя на радостях и вчерашний враг может сделать красивый жест… Он взялся двумя руками за решетку, прижался лбом к холодному железу.

– Конечно, нужна… Я ведь из одной деревни с Президентом и скоро выйду… Тогда и я тебя не забуду…

– Ну, давай поцелуемся! – Траоле просунул руки сквозь решетку, сцепил их на затылке заключенного и с силой рванул на себя. Раздался крик ужаса и боли. Голова Гвембеша с трудом проскочила между прутьями, уши или то, что от них осталось, залились кровью.

Умелые руки разжалованного полковника БББ перехватили глупую и жадную голову Гвембеша сверху и снизу, за подбородок. Мощный крутящий рывок, хруст позвонков – и крик оборвался. Охранники шарахнулись в сторону от противоестественного зрелища: Гвембеш, чуть согнувшись, выглядывал в коридор, но голова на перекрученной шее смотрела не в пол, а в потолок! Он медленно сползал вниз и, наконец, опустился на колени, отчего его поза не стала естественнее – скорее наоборот…

Теперь Траоле почувствовал себя свободным и властным, способным распоряжаться чужими жизнями. Как, собственно, было всегда до того, как он попал на Ферму. Можно было отправляться на поиски алмазных копей Архангелов, которые – что и говорить, к его великой удаче, – не были обнаружены в джунглях Борсханы.

– На свободу надо выходить с хорошим настроением, олухи! – громко сказал Траоле. И повернулся к охранникам:

– Что застыли? Шевелитесь! Меня ждут два полковника и масса важных людей на воле!

* * *

Антуан Вильре знал слово «дежавю», которое сейчас переживал: когда-то, целую вечность тому назад, он вот так же стоял в этом переулке у восточного склона Монмартра, ощупывая рукоятку ножа в кармане и настороженно прислушиваясь к раскатистым ночным звукам. С тех пор сменились вывески, в переулке появился умный фонарь, включающийся от датчика движения, в стене справа заложили нижний ряд окон. Но точно так же в просвете между крышами висела луна, точно так же он испытывал ощущение холодной собранности и

готовности напасть на жертву и пойти до конца, если придётся. Предчувствие пролитой крови – чужой или своей – всегда действовало на Антуана бодряще, даже еще до вступления в Легион. Впрочем, он не считал себя кровожадным и никогда не пускал в ход оружие без крайней необходимости. Хотя, если припомнить все случаи, когда он это делал, то надо было признать, что либо он считал себя лучше, чем был на самом деле, либо крайняя необходимость встречалась на его пути гораздо чаще, чем у обычных людей.

Впрочем, последние три налета обошлись без крайностей: жертвы не строили из себя героев, не лезли на рожон и остались в целости и сохранности, не потеряв ни капли крови, разве что намочили штаны, но кровь здесь была ни при чём…

Он никогда не вернулся бы к забавам молодости, если бы не проклятый Бальтазар. Из-за каких-то четырех сотен он развернул на него охоту, подобную корсиканской вендетте, которая практически всегда заканчивается смертью кровника.

Рафаил чувствовал себя затравленным волком. О ночлеге у Милены пришлось забыть. На следующее же утро после побега от преследователей через «Сову» к ней нагрянули громилы Бальтазара. Повезло – на лестнице, когда они поднимались, незваных гостей облаяла болонка старухи с нижнего этажа. Это разбудило чутко спавшего Рафаила. Вслед за лаем собаки раздалась отборная ругань, которую прервал чей-то приглушённый окрик – и Рафаила как пружиной подкинуло с кровати. Он словно увидел воочию, как чужаки поднимаются по лестнице – один, напуганный собакой, разражается бранью, другой его одёргивает: «Тише, олух!»

В мгновение ока напялив одежду, – навыки Легиона намертво впечатаны в подкорку, не пропьёшь, – Рафаил метнулся на балкон и соскользнул вниз по водосточной трубе. Милене наверняка повезло меньше – нагрянувшие к ней парни не отличались хорошими манерами и сдержанностью. Но она сама виновата: могла бы и догадаться, что пускать в свой дом мужика с такой биографией, как у Рафаила – серьёзный риск.

С тех пор он ночевал в дешёвых мотелях на окраинах Парижа, обедал в забегаловках за пять евро или покупал в лотках багет с сыром, колбасой и листьями салата, чтобы съесть прямо на улице, как начинающий клошар. Ещё никогда самый страшный кошмар его жизни – судьба грязного бездомного – не подкрадывался так близко. Впрочем, временами он начинал думать, что

опуститься на дно – лучший вариант, чтобы скрыться от погони. Денег на то, чтобы уехать в глубинку, у него не было. Ресурсов, чтобы организовать и провернуть налёт с большой добычей – тоже. Об алмазах, спрятанных в борсханских джунглях, он уже и не мечтал. А бандиты Бальтазара дышали в спину, и его поимка была лишь вопросом времени, это Рафаил понимал слишком хорошо.

Вчера он сделал пробную вылазку в четвертый округ – поближе к центру. Заявился в бистро «Мадам Кураж» – одно из тех, где раньше можно было отсидеться за несколько евро – и вдруг физически ощутил запах опасности. На входе он столкнулся со знакомым таксистом. Вместо того чтобы поздороваться лёгким кивком, таксист непроизвольно отшатнулся и, внезапно передумав, в бистро заходить не стал. Усевшись спиной к барной стойке, Рафаил вынул смартфон, включил фронтальную камеру и принялся незаметно наблюдать за барменом. То, что он увидел, подтвердило его опасения: бармен, рано облысевший молодой коротышка, уже кому-то звонил. Пришлось уходить. Он снова бежал, заметая следы и задыхаясь в волнах смешанных эмоций – страха и гнева. Только доскональное знание Парижа выручало его до сих пор.

Мысль о том, где раздобыть денег, чтобы удрать из столицы и отсидеться в безопасности, сверлила его мозг круглосуточно. Остатки денег закончились, а новых поступлений нет и не предвидится. Наркосбытчики, вышибалы долгов и прочие недавние работодатели Рафаила перестали иметь с ним дело. «Туристический налог», как это называлось в его кругах, стал его единственным источником пополнений бюджета.

Горькие раздумья Рафаила оборвал холодный голубоватый свет, внезапно хлынувший сверху, – сменив положение затекших ног, он пошевелился слишком сильно, заставив среагировать инфракрасный датчик. Минута неподвижности – и фонарь отключился, снаружи стало так же темно, как в мыслях Рафаила.

Компания, прошедшая мимо, оказалась слишком большой: пятеро подвыпивших поляков – это чересчур даже для бывшего легионера! После этого довольно долго в переулке никто не появлялся – докатывались лишь шаги и голоса с параллельной оживлённой и широкой улицы: если жертва поднимет тревогу и поблизости окажется мотопатруль, шансов уйти слишком мало… У него уже как-то был такой случай.

Наконец Рафаил услышал приближающиеся голоса – женский и мужской. Говорили по-английски. Обычная болтовня подвыпивших молодых людей, флиртующих по дороге в гостиничный номер. Парочка – идеальный вариант. Стоит прижать женщину, и мужчина тут же становится шёлковым. Хотя всякое бывает…

Шаги приблизились. Теперь Рафаил из своего тёмного угла мог видеть мужчину и женщину, шествующих в обнимку. Рафаил автоматически оценил мужчину: высокий, жилистый, у таких худоба часто бывает обманчивой – бывает, упрутся намертво – тогда только резать. Вид у него такой, будто обнимал не меньше, чем королеву красоты. Девчонка и вправду смазливая. Под футболкой красивые сиськи. Нужно сразу подобраться к ней поближе.

Рафаил шагнул навстречу, и за его спиной загорелся свет. Был в этом некий театральный эффект, и Рафаил криво улыбнулся: так в спектакле появляется на сцене отпетый злодей. Эффект сработал – парочку испугал внезапно вспыхнувший свет и человек, материализовавшийся из темноты.

– Не будет огонька? – спросил Рафаил по-французски, дублируя слова жестами.

– Oh my goodness! – женщина показала, как он их напугал.

Мужчина тем временем покачал головой.

– Don’t smoke.

– Нет? Не курите? – Рафаил изобразил простофилю, не понимающего с первого раза.

– No, sir.

Рафаил уже подошёл к ним на расстояние пары шагов. Он качнулся, сделав вид, что споткнулся о выбоину в мостовой, и сблизился почти вплотную. Шаг – и он за спиной у женщины, прижимает лезвие ножа к её щеке. Другой рукой Рафаил обхватил её поперёк талии и оттащил от спутника.

– Только пикните, – сказал он по-английски. – Порежу и уйду.

Сквозь тонкую ткань футболки он чувствовал, как колотилось её сердце. Женщина сделала шумный вдох: на какое-то время забыла, как дышать – но крика не поднимала.

– Мне нужны деньги, всего лишь деньги, – сказал Рафаил таким тоном, будто просил отдать пустую бутылку, вместо того чтобы её выбрасывать. – Ну что, договоримся?

Мужчина еле заметно кивнул.

Прошло гладко, по лучшему из возможных сценариев. Через пару секунд на мостовой уже лежали купюры, выуженные из карманов незадачливого туриста. Рафаил заметил сотенную, три десятки – невелик улов, но хотя бы не впустую.

– Теперь ты, милочка, – попросил он женщину. – Только без глупостей.

Она покачала головой.

– Что? Бунт? Но мы же договорились!

Быстрым нервным движением женщина вывернула себе под ноги содержимое сумочки. По брусчатке застучали пластиковые коробочки. Оттащив её на шаг в сторону, Рафаил увидел россыпь обычных женских штучек: пудреница, помада, тени, салфетки. Денег у неё, похоже, не было.

– Идите, – приказал он и осторожно ослабил хватку, позволяя женщине высвободиться.

Она сделала шаг-другой и на ватных подгибающихся ногах побежала прочь. Мужчине ничего не оставалось, как кинуться следом.

– Ann! Wait!

– Хорошего вечера! – крикнул им вслед Рафаил, вновь перейдя на французский.

Собрав с мостовой банкноты, он сунул их в карман и пошёл, еле слышно насвистывая песенку лионских моряков. Но даже эта бравада бывалого

грабителя больше не грела ему сердце.

По его прикидкам ночные экспроприации принесли ему около трёхсот евро. Раньше за две ночи он срубил бы куда больший куш. Как ни крути, появление банковских карточек убило прибыльность ночного промысла. Что делать с этими тремя сотнями? На то, чтобы слинять из Парижа, этого не хватит. Не хватит даже на то, чтобы купить приличный ствол. Да и опасно сейчас соваться к торговцам оружием: они все связаны с Бальтазаром…

Громким свистом он подозвал такси, поджидавшее ночных гуляк у какой-то гостиницы.

– Бульвар Капуцинов, – он знал там хороший ресторанчик, работавший до последнего клиента.

– Ночной тариф, – предупредил таксист, когда Рафаил уселся на заднем сиденье.

Тот поморщился и махнул рукой – езжай! Приятно чувствовать себя состоятельным человеком…

В ресторане, на веранде, чревоугодию предавалось человек десять – разношёрстная публика со следами затянувшегося загула на лицах и девушками не самого высокого пошиба. Точнее, совсем невысокого.

Он заказал блюдо мидий, филе лосося в сливочном соусе, бутылку «Совиньон Блан» и с жадностью набросился на еду. Когда-то в молодости, до поступления в Легион, он отмечал здесь несколько удачных дел в компании верных дружков. Но где те дружки? Где те времена? Рафаил вновь погрузился в горестные раздумья. Даже нежнейшие мидии, – видимо, успели подвезти ранний улов, – не сумели улучшить ему настроение.

Небо над Парижем начало светлеть, когда, не допив вино, Рафаил решил, что пора уходить. Не стоило дразнить судьбу: среди ночной публики вполне могут оказаться и соглядатаи Бальтазара. Он расплатился за ужин, оставил десятку на чай и вышел.

На улице клошар в куртке с капюшоном перебирал что-то в замызганном пластиковом мешке. Рафаил передёрнул плечами и отвернулся: судьба снова подсовывала картинку его недалекого будущего.

Он двинулся вдоль проспекта, выискивая взглядом такси. Переспит в дешевой гостинице на окраине, а утром будет думать, что делать дальше. Должен же быть выход! Тем более когда далеко в Африке его ждут спрятанные в тайнике алмазы, – некстати вспомнил Рафаил и вздохнул.

По проспекту навстречу ехал тёмно-синий минивен. «Тревога!» – взвизгнула запоздавшая интуиция. Отреагировать Рафаил не успел. Минивен юркнул к тротуару, дверь распахнулась – и он почувствовал, как резкий толчок вгоняет его внутрь. Он упал вперёд, в проём двери. Крепкие руки справа и слева подхватили обмякшее тело и втащили в салон. Краем глаза он заметил клошара – того самого, что сидел у выхода из ресторана. Клошар захлопнул дверь, минивен поехал дальше. Запястья Рафаила больно стянула монтажная лента, его опрокинули на пол вниз лицом. Он почувствовал, как из кармана вытаскивают нож.

Захват был проведён безукоризненно, с грустью признал Рафаил. Научились всё-таки, гады.

В спину уткнулось что-то твёрдое – судя по всему, ствол. Он попытался оглядеться – и получил ощутимый удар в затылок.

– Не ёрзай! Урою!

Люди Бальтазара были настроены недружелюбно. Видимо, успели отрастить на него зуб, пока выискивали по всему Парижу.

– Видишь сзади? – послышался грубый голос.

– Вижу, – донеслось со стороны водителя. – Какой-то черномазый за рулём, похож на обкуренного.

Через некоторое время тот же грубый голос приказал:

– Сверни и остановись!

Минивен резко вильнул вправо и затормозил.

Рафаил услышал, как мимо проехала машина. Похитители озабоченно переговаривались.

– Думаешь, слежка?

– В какой-то момент показалось.

– Да кому он нужен, кроме нас и преисподней?

– Осторожность лишней не бывает.

– Вроде оторвались.

– Сдавай-ка задом, – приказал старший.

Автомобиль вырулил обратно на проспект, с которого только что свернул, и покатился, набирая скорость.

Примерно через полчаса движение замедлилось, автомобиль остановился. Рафаила грубо вытолкнули из салона, он с трудом удержался на ногах – со стянутыми за спиной запястьями сохранить равновесие было непросто. Разогнувшись, он увидел, что находится в просторном, на несколько машин, подземном гараже. Пятеро крепких ребят рассматривали его пустыми холодными взглядами.

«Отморозки, такие на все способны», – констатировал опытный Рафаил.

– Туда, – крепыш с мощной шеей указал на дверь в глубине гаража.

Соседняя комната оказалась просторной и богато обставленной. Большой бильярдный стол, домашний кинотеатр, кожаная мебель, камин, шкафы с антикварной посудой, бар, рыцарские доспехи по углам… Бальтазар сидел на

диване и смотрел старый чёрно-белый фильм – какую-то голливудскую комедию. Тот же крепыш толкнул Рафаила в спину, заставляя выйти на середину комнаты, а сам стал сзади.

– Говорят, ты успел вкусно поужинать? – Бальтазар поднялся из кресла. – Свежие мидии, прекрасный лосось, замечательное вино… Молодец, побаловал себя напоследок. Как чувствовал…

Он встал, неспешно подошёл к пленнику, посмотрел ему в глаза. Это был бесчеловечный гипнотический взгляд голодного питона, с которым Рафаил однажды столкнулся в джунглях, можно сказать, «лицом к лицу»… Тогда он оцепенел, тело стало чужим, и на задворках сознания промелькнула старая байка о том, что загипнотизированный кролик, упираясь лапами и визжа от ужаса, сам ползет в открытую зубастую пасть… Или это вовсе не байка?! Хорошо, что у жреца племени буру за спиной всегда личная охрана – шестерка крепких туземцев с дубинами и топорами вмиг разделались со страшным пресмыкающимся, и вечером не питон довольно переваривал пищу, а все племя радостно насыщалось его плотным похожим на куриное мясом…

Но Бальтазар не был голоден, да и должник провинился не очень сильно: наказать за четыреста евро можно обычным избиением без увечий… Откуда тогда эта первобытная, животная ненависть в его взгляде?

– Ты не подумай, что я забыл про долг… Я пытался собрать деньги, – хрипло сказал Рафаил, и в голосе звучали искренние покаянные нотки. – Но эти проклятые кредитки… Туристы не носят крупную наличку, только мелочевку. Все из-за пластиковых карточек…

– Так вот, кто виноват, карточки? – ухмыльнулся Бальтазар. – А тебя, беднягу, совесть замучила? И ты, выходит, совсем ни при чём?

– Ну, не то чтобы совсем, – Рафаил пожал плечами. – Просто обстоятельства так сложились… Но я собирался…

– Это радует! – коротко размахнувшись, Бальтазар всадил в живот Рафаилу увесистый кулак. Тот успел сгруппироваться, напрячь пресс. Но удар его всё-таки согнул. Тяжело переводя дыхание, Рафаил продолжил попытки сгладить ситуацию:

– Я, конечно, затянул, понимаю. Трудные времена. Прости.

– Да ну, не преувеличивай! Разве это трудные времена?! То ли ещё будет!

Бальтазар обошел его вокруг.

– Знаешь, когда я сидел, в камерах у нас были Библии…

– Надо же. В Легионе тоже…

Сзади больно пихнули его кулаком в почку, Рафаил крякнул и умолк.

– Мне понравилось про Соломона, – продолжил Бальтазар. – Этот старый еврей умел принимать по-настоящему мудрые решения. В каждом случае – особенное, чтобы отражало суть дела.

Рафаил смекнул: начинающий главарь банды настроен покрасоваться перед своими подопечными, произнести витиеватый монолог в стилистике Крёстного отца. Однако ему явно недоставало умения говорить гладко и пространно, со скрытым подтекстом. Обойдя Рафаила ещё раз, Бальтазар остановился перед ним лицом к лицу.

– Я мог бы отправить тебя на корм рыбам, мог бы медленно разрезать на куски. Но я, мой совестливый и честный Антуан, я хочу нести в мир справедливость…

– Прям, как Иисус – не удержался Рафаил от ехидной реплики.

Бальтазар жестом остановил бойца, стоявшего за спиной пленника и собиравшегося наградить его очередным тычком.

– Могу с тобой согласиться. Именно поэтому я не буду тебя убивать, мой насмешник Антуан. Тебе всего лишь отрежут большие пальцы на руках, чтобы ты не мог больше держать стаканчик с костями. Да и с поеданием мидий будут некоторые проблемы… Но ничего, привыкнешь!

Бальтазар расплылся в косой уродливой ухмылке. Рафаила жестко подхватили под локти. На бильярдный стол легла клеёнка. Его уже потащили к столу, когда за дверью раздался выстрел. И еще один. И еще…

Рафаил слышал за свою жизнь много выстрелов. Но никогда раньше так им не радовался. Могучие парни, державшие его под локти, рефлекторно ослабили хватку. Дверь распахнулась, с силой ударившись в стену, в биллиардную влетели семеро чернокожих, вооружённых пистолетами и двумя маленькими автоматами.

– Это еще кто?! – взревел хозяин. – Вы знаете, кто я? Я – Бальтазар! Другие банды объезжают мой дом за квартал! Ко мне даже полиция так не врывается!

Но африканцам было плевать на авторитет Бальтазара, они, конечно, не знали его, скорей всего, и французский язык знали не все… У них были свои понятия и свои ценности, свои начальники, отдающие приказы, и свои задачи, которые следовало выполнять. Все остальное их не интересовало.

Бальтазар не успел закончить возмущенную фразу – бритый африканец прострочил его короткой очередью, остальные тоже открыли огонь. Рафаил вырвался из ослабевших захватов и упал на пол. Вовремя! Комната заполнилась грохотом, криками и пороховой гарью. Свистели пули, мягко шлепаясь в человеческие тела, разбивая хрустальные вазы и рикошетируя от стен.

Всё было кончено за несколько секунд. Двое африканцев прошлись по комнате, добивая раненых. Последним пристрелили Бальтазара, который, истекая кровью, успел доковылять до кожаного дивана. Там и нашла его пуля, выпущенная в затылок почти в упор.

– Виртуозно, господа, – прокомментировал Рафаил, поднимаясь на дрожащих ногах: до последнего он боялся, что попадет под раздачу и тоже получит пулю. – Не знаю, кто вы, но обещаю поставить за вас свечку святому… как его… Франциску.

К нему подошёл самый крупный из налетчиков, очевидно, главарь. Бегло осмотрев Рафаила и сверив его личность с фотографией, зажатой в руке, кивнул подчиненным. Пожалуй, и в его взгляде Рафаил не нашел ничего, позволявшего утвердиться в мысли о том, что опасность миновала. Не произнеся ни слова,

главарь развернулся и пошёл к выходу монументальной походкой Отелло.

В рот Рафаилу вогнали кляп из упаковки медицинской ваты и, заломив руки за спину, выволокли обратно в гараж. Там лежали несколько трупов, на которые африканцы не обращали никакого внимания. Его снова запихнули в машину, на этот раз в легковой «мерседес». Отъехав от особняка, который Рафаил так и не успел разглядеть, машина вильнула несколько раз по пустым переулкам, промчалась по Рю Дю Солей и взяла курс на выезд из города.

С обеих сторон он был зажат африканцами. Осторожно оглядев их, Рафаил пришёл к выводу, что во Франции они недавно. Во всяком случае, ещё не встроились в шаблонный мир французских обывателей – такое сразу бросается в глаза. От них веяло чем-то нездешним. Всё в них было другое – одежда, манера держаться, выражение лиц, даже исходящая от разгоряченных тел агрессия произрастала не из рациональных зерен, а из какого-то иного, первобытного корня…

Невесёлые догадки овладели Рафаилом. Если это люди шамана Нгвамы, которому он как-то, по случаю, подретушировал «шведской розочкой» жирную физиономию, то приговор покойного Бальтазара очень скоро будет вспоминаться, как акт несостоявшегося милосердия. По спине пробежал холодок. Будто уловив запах овладевающего Рафаилом ужаса, его новые похитители перебросились несколькими злорадными репликами на языке самаки. Рафаил распознал слова «убить» и «смеяться».

«Так ли уж ужасна судьба клошара?», – печально подумал Рафаил и закрыл глаза: похоже всё, что оставалось, – постараться достойно плыть по воле волн, а там видно будет… Может, ветер подует в другую сторону, может, течение изменится, может, их остановит полиция и удастся как-нибудь выкрутиться… Хотя в полиции у него нет друзей, наоборот – они сами ищут его за уличные налеты, а может, и за что-то еще…

Полиция их не остановила, маршрут не изменился, и примерно через час «мерседес» подъехал к заброшенному промышленному зданию где-то на северо-западной окраине. Выбитые окна. Сохранившиеся стёкла непрозрачны от грязи и копоти. Провалы дверных проёмов, давно лишившихся дверей. Перед одним из входов стоял потрёпанный неприметный грузовичок.

Туда и поволокли Рафаила. В неожиданном приступе раздражения тот вдруг упёрся и замычал. Отпихнув плечом одного из похитителей, дал понять: сам пойду, своими ногами. Ему позволили. Перестали заламывать локти, пригибать к земле. Рафаил шёл к темнеющему провалу в стене, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

«Держись, Ловкий Антуан, – приказал он себе. – И не из таких переделок выпутывался!»

Войдя в здание, он ощутил густой горький запах расплавленного гудрона. Гулявший по бетонному зданию сквозняк относил запах прочь от входа, но внутри гудроном, казалось, пропитались даже стены.

Один из конвоиров пошутил в том смысле, что их уже заждались. Ему ответили идиомой на самаки, дословно переводившейся как «любую курицу ждёт свой нож».

Нож у него отобрали еще бандиты Бальтазара. Вот если бы верный «Корсиканец» был при себе, то имея свободные руки, он мог начать собственную игру… Тем более что вели его только двое… Но какой смысл думать о несбыточных вещах!

По полуразвалившейся лестнице они спустились в подвал, залитый зыбким светом костра. Под двухсотлитровой цистерной со срезанной верхней половиной, из-за чего она напоминала ванну, пылали дрова вперемешку с каменным углем. Дым уходил сквозь пролом в потолке.

Черный человек в традиционной набедренной повязке племени юка-юка и с многослойным ожерельем из зубов диких животных на шее, умело управлялся с огнём, бормоча себе под нос короткие ритмичные фразы. Красно-белый раскрас на его лице, памятный Рафаилу со времен жизни в племени буру, не оставлял никаких сомнений: это был Брат Огня – распорядитель на церемонии жертвоприношения во имя Великого Юки, во время которого воины заживо варят врага в смоле деревьев венге. Экзотическую смолу изобретательные дети джунглей заменили на промышленный гудрон. Запах его стал невыносимым.

Рафаил почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Его согнуло пополам, конвоир слева одним рывком выхватил у него изо рта кляп. Рафаила стошнило

на бетонный пол.

Брат Огня брезгливо заворчал. Но еще хорошо, что обошлось так: Юка не принял бы жертву, захлебнувшуюся в рвотных массах!

К цистерне, между тем, придвинули сколоченные из досок козлы – чтобы удобней забросить жертву в «ванну» из гудрона. Воины Юки, – человек десять, в одних набедренных повязках, выстроились полукругом. Головных уборов, обязательных для подобных церемоний, на них не было. Не было и соответствующей раскраски на телах. Эти ребята плохо знали свое дело! Страх вдруг отхлынул, он ощутил внезапную собранность. Как будто старый друг рядовой Дюфур прополз в смыкающееся кольцо врага и принес ленты к замолчавшему пулемету. Бывший друг Дюфур…

Под звуки булькающего гудрона Брат Огня затянул тоскливый ритуальный речитатив, остальные ответили припевом – угрожающим, мрачным. И снова ошибка за ошибкой! Песнь жертвоприношения начинает и поет жрец, а не его помощники! Вдобавок они путали слова и строфы!

Рафаил спокойно шагнул вперёд и повернулся лицом к шеренге. Пение не прерывалось. На него смотрели внимательно, но равнодушно. Жертва могла осложнить исполнение ритуала, но не могла ему помешать. В крайнем случае заупрямившемуся врагу Юки перережут сухожилия.

Впрочем, Рафаил не собирался мешать процедуре жертвоприношения. Напротив, был готов помочь правильно провести ее. Дождавшись нужного момента – когда припев в третий раз сменил речитатив Брата Огня, Рафаил вступил сам, громко запев о величии Юки и ничтожестве его врагов. Понятные лишь наполовину, сложные для европейца слова лились из него сами собой. Африканцы переглянулись и смешались, но пения не прекратили. Юка запрещал прерывать посвященные ему ритуалы без крайней необходимости.

У Рафаила была прекрасная музыкальная память, он запоминал на слух целые фразы на английском или немецком, даже не понимая их смысла. А простые до примитивизма языки симаку, юку-юку и буру во многом похожи, как и племенные обряды. Тем более что он неоднократно проводил всевозможные ритуалы: просьбу о дожде, о хорошей охоте, об отпугивании злых духов, о рождении детей… Жертвенных процедур он у себя в племени избегал, но однажды

пришлось провести приношение в жертву Главному Быку чужака, посмевшего охотиться в его священных угодьях. Отличие каждого ритуала в последних фразах. При жертвоприношении это короткое заклинание – всего-то пять коротких реплик. И вот они пригодились и сейчас стали, пожалуй, самыми важными словами в его жизни.

Повторив десятикратно, как полагалось, формулу восхваления Великого Юки, Рафаил принялся ходить вдоль чернокожей шеренги, притопывая и дёргая головой – передавая, таким образом, участникам обряда частичку мудрости Юки. Каждый из тех, к кому он подходил, на время замолкал и закрывал глаза. Знание шаманских приемов и слов заклинаний превращало белого чужака из врага Великого Юки в его доверенного жреца, а ритуал заклания – в ритуал приобщения. Брат Огня послушно вторил ему каждый раз, когда Рафаил завершал свой очередной призыв к Юке раскатистым «Юка, мбгваме, птана».

Спасение забрезжило своим чудесным светом. Роль шамана Рафаилу определенно нравилась больше, чем роль жертвы. Предстояло трижды обойти всех Воинов Юки, чтобы его частичка попала им в голову, чресла и душу, – после чего, согласно ритуалу приобщения, проведший его шаман уходит на три дня в заповедное место, и никто не смеет его потревожить под страхом ужасной расплаты: юка-юка верили, что нарушение этого правила оборачивается утратой охотничьей удачи и мужской силы.

Снаружи послышался гул двигателя стремительно приближавшейся машины. Никто из юка-юка не сдвинулся с места. Раздался визг тормозящей резины и скрежет вылетевшего из-под колёс щебня.

Рафаил прислушался. По бетонному зданию разносились приближающиеся шаги. Двое или трое. Спешат. Переговариваются. Шаги приблизились, Рафаил различил слова на языке юка-юка. Он чуть не чертыхнулся вслух, но удержался и продолжал призывать Юку одарить своими частичками лучших его воинов.

По лестнице, придерживая полы пёстрого традиционного халата, в сопровождении двух охранников в европейских костюмах, спускался высокий и тучный человек, лица которого не было видно. Только когда на него легли блики от пламени костра, Рафаил узнал Нгваму. Впрочем, он этого и ожидал. Пострадавший жрец племени Великого Юки должен был присутствовать при казни своего врага. Но сейчас Нгвама не понимал, что происходит: враг вдруг сам оказался доверенным лицом Юки и уверенно вел обряд приобщения! И

самое главное, что его, Нгвамы, воины безропотно слушались чужака!

Бросив на Нгваму быстрый взгляд, Рафаил заметил злобную улыбку на изуродованном лице. Приблизившись к соплеменникам, Нгвама выкрикнул что-то отрывистое – Рафаил разобрал только слова «лжец», «вор» и «Юка».

– Ты сам лжец! – крикнул Рафаил. – Где ритуальные перья? Где раскраска для проведения обряда?!

Он показал рукой на смутившихся африканцев.

– Почему Брат Огня руководит обрядом? Почему твои люди не знают слов заклинаний и путают разные ритуалы?

Юка-юка, только что покорно ему внимавшие, не понимали, как себя вести, и отводили глаза от Нгвамы, сопевшего, словно разъярённый бык. Брат Огня, изображая активность, подкинул в костёр кусок доски.

Нгвама шагнул к Рафаилу и оскалился.

– И все же ты попался, белый воришка, – сказал он по-французски.

– Слушай, да что я такого у тебя украл, приятель? – непонимающе ответил Рафаил.

– Высокое звание жреца, вот что! – рявкнул толстяк.

– Неправда! – возмутился Рафаил. – Я двадцать лет был жрецом в племени буру! Так что у нас разные дороги, и тебе я ничем не помешал. Можешь продолжать обряд, посвященный своему Юке. Только выучи правильно слова и одень своих баранов как положено!

– Заткнись, – оборвал его Нгвама, и шрамы на покалеченной щеке взбугрились. – Тебе снова везёт. Мне поступила просьба от моих борсханских друзей передать тебя в их распоряжение живым и невредимым.

Всем своим видом Нгвама показал, как ему не нравится эта просьба. Зато по телу Рафаила разлилась волна радости.

– Так передавай! Ты же знаешь, что бывает с теми, кто ослушается!

Нгвама с сожалением кивнул.

– Знаю.

* * *

Ранним погожим утром «мерседес» с наглухо тонированными окнами подъехал к аккуратному трёхэтажному особнячку на бульваре Араго, обнесённому ажурной кованой оградой. «Посольство Республики Борсхана» – сообщали литые вывески по обе стороны ворот. Охранники в парадной форме «чёрных леопардов» заранее отворили ворота, и машина въехала в небольшой дворик, обсаженный густыми кустами можжевельника. Водитель подрулил вплотную к зданию, и «чёрные леопарды», высыпав во двор, выстроились тесным коридором от машины до входа в особняк. Дверь «мерседеса» открылась, из неё вышел Рафаил – в измятых брюках, порванном пиджаке, но в прекрасном настроении.

– Здорово, ребята, – приветствовал он африканских спецназовцев. – Хорошо смотритесь!

Его провели в столовую и накормили. Судя по качеству еды, она предназначалась для младшего персонала и не могла сравниться со вчерашним ужином. Но делать нечего. В трудные для племени буру месяцы засухи ему приходилось есть саранчу и высушенных древесных жуков, а змеи вообще считались деликатесом. К тому же сам факт кормления обнадеживал: если бы хотели прикончить, то вряд ли стали бы заботиться о его желудке.

Из столовой «леопард» отвел Рафаила в комнату с голыми стенами, прикрученным к полу столом и так же закрепленными стульями по обе его стороны. Из толстой столешницы торчали металлические скобы, чтобы пристегивать наручники. Впрочем, руки у него были свободны, и в совокупности с каким-никаким, но завтраком, это можно было расценить, как доброе, почти дружеское отношение… Он осмотрелся. В одну из стен было встроено широкое

зеркало. С той стороны оно, конечно, прозрачное. Все ясно: это комната для опознаний и допросов. Как в полицейском участке.

– Первый раз оказался в посольстве, – сказал он, обращаясь к стоящему за спиной охраннику. От того пахло дорогим одеколоном. – Или это консульство? Впрочем, неважно – у вас довольно мило…

– Не прикидывайся! Ты частенько бывал в таких местах, – на хорошем французском ответил «леопард» и усмехнулся. Похоже, он не просто боец спецназа, а следователь или сотрудник службы безопасности.

– В дипломатических миссиях? – удивился Рафаил. – Вы меня с кем-то путаете…

– Человека с таким толстым досье трудно с кем-то спутать!

Отойдя в дальний конец комнаты, офицер стал в строевую стойку: ноги широко расставлены, руки за спиной, взгляд устремлен на Рафаила. Но на попытки гостя завязать разговор он не реагировал. Так прошло около часа, в течение которого бывший легионер, агент БББ, искатель алмазов и жрец племени буру – в одном лице, успел предаться сначала разрозненным воспоминаниям о своей многогранной жизни, а потом и нахлынувшей жалости к себе – обладателю огромного, но недосягаемого богатства, человеку, знавшему лучшие времена, но постепенно опускающемуся, обречённому мириться с извращёнными шутками судьбы, позволившей избежать мести Бальтазара и Нгвамы, чтобы смиренно дожидаться своей участи в комнате, которая годится не только для опознаний, но и для допросов третьей степени… Да и пристрелить тут можно, а потом забетонировать в подвале. Ведь посольство – это территория Борсханы, местные власти не имеют сюда доступа!

За тяжелыми мыслями Рафаил уронил голову на скрещенные руки и погрузился в чуткую, тревожную дрему. Ему снились дурные, пугающие сны и казалось, что прошло много времени. Наконец, раздался резкий звук распахнувшейся двери, «леопард» щелкнул каблуками: встрепенувшийся Рафаил увидел, что в комнату вошёл полковник Бонгани. Он явно был в хорошем настроении.

– Что ж, подонок, на этот раз мы нашли тебя довольно быстро!

– Если вы отыскали меня даже в джунглях Борсханы, – сказал Рафаил, протирая глаза. – То уж отыскать меня в Париже… Тем более я не прятался…

– Мы искали тебя не для удовольствия, а для дела. И как ты оправдал наше доверие? Задания не выполнил и скрылся!

– Дело сорвалось не по моей вине, а отвечать все равно пришлось бы мне! Так зачем было возвращаться? Чтобы меня обглодали стервятники? К тому же это было шесть лет назад, сроки давности прошли…

– Плевать мне на сроки давности! – нахмурился Бонгани. – Столб на месте, и орлы ждут тебя не дождутся…

– Кто тут говорит про сроки давности? – в кабинет вошёл низкорослый лысоватый человек в мешковатом костюме – из тех, на ком не задерживается взгляд. Рафаил решил было, что это какой-нибудь курьер, посыльный, отправленный начальством с малозначительным вопросом. Но в его облике угадывалось что-то знакомое, к тому же он поздоровался с Бонгани за руку. Да и было бы странно, если бы его с такой помпой притащили сюда, а потом тут стали собираться люди, не имеющие к нему отношения!

Человек подошел вплотную.

– Помнишь меня? Пьер Фуке. Так меня зовут. Один раз я вытащил тебя из полиции, но ты сбежал…

«Из военной разведки, – вспомнил бывший легионер. – Его коллеги раздавливали нашим парням яйца каблуками…»

– Я всегда сбегаю, только благодаря этому и жив до сих пор, – сказал Рафаил, решив не демонстрировать хорошую память. – Недаром мои друзья говорили: у Ловкого Антуана все схвачено и за все заплачено!

– Что ж, посмотрим: скоро у тебя появится возможность попытаться сбежать из тюрьмы, – Фуке бросил перед ним несколько фотографий. Рафаил нехотя взглянул.

Коротко стриженная тётка, которую он ограбил в Парке Монсури. Англоязычная парочка, отработанная вчера. Смазливая девица, ставшая его жертвой у вокзала Монпарнас.

– Узнаешь?

– Эта красотка так оплакивала восемьдесят пять евро, как будто я лишил ее невинности, – усмехнулся Рафаил. – Хотя нельзя отобрать монетку, потерянную пять, а то и все семь лет назад…

– Остроумно! – кивнул Фуке. – Жаль, что тебе светит пятнадцать лет – устанешь смеяться.

– Да ладно! – нарочито удивился Рафаил. – Я на пятнашку не наработал!

– Ну, почему же? Вооруженный грабеж, совершенный неоднократно…

– Может, нальете абсента напоследок? – подмигнул Рафаил. Он привычно валял дурака, но на сердце скребли кошки. Не похоже было, чтобы этот тип врал. Да и зачем ему это?

Бонгани подошел ближе и стал рядом с Фуке. Значит, сейчас начнут «колоть»…

– Мне все это непонятно, – сказал Директор БББ. Он был в форме и смотрелся очень внушительно, особенно на фоне неуклюжего лысоватого француза. – Сроки давности, пятнадцать лет тюрьмы… К чему эти формальности? Мы просто бросим его крокодилам или вздернем голым на столбе, для голодных грифов… Один день – и все закончено!

Полковник впился взглядом в глаза бывшему легионеру. Он говорил настолько искренне, что сомневаться в его словах даже в голову не приходило. Особенно, когда своими глазами видел подобные экзекуции.

– Ладно, шутки в сторону! – Рафаил стал серьезен. – Что вы от меня хотите?

– Я все объясню нашему другу, – сказал Фуке. – Не возражаете?

Бонгани только руками развел.

– Валяйте. Я не люблю болтать языком.

Фуке повернулся к допрашиваемому.

– В начале девяностых вы участвовали в поисках алмазного месторождения по заданию правительства Борсханы…

– Да. Старшим был русский геолог – Дмитрий Быстров. И мы нашли алмазы. Только меня захватили туземцы, и я прожил у них двадцать лет. А потом за мной прилетел на вертолете Всевышний, – Рафаил кивнул на Бонгани, который мерял шагами комнату. И в ответ на недоуменный взгляд Фуке пояснил:

– «Всевышний» – это псевдоним, позывной для связи. А наш позывной – «Архангелы». Быстров – «Самуил», а я – «Рафаил». Оказалось, что наша карта с координатами алмазов пропала. И мне поручили найти Самуила и раздобыть второй экземпляр карты.

Настала очередь Фуке показать свою осведомленность.

– Карту не нашли, а Самуил был убит нанятыми вами людьми.

– Хех, – поморщившись, Рафаил потёр пятернёй затылок.

По тому, как складывался разговор, не было ясно, чего от него хотят объединившиеся французы и африканцы. Но раз они заодно, то дело серьезное…

– Исполнители оказались криворукими тупицами. Я бы не стал… сами понимаете… Антуан из второго взвода не любит мокрухи…

Фуке постучал пальцами по столу.

– Мы добрались до вашей карты, Антуан.

– Чёрт! – Рафаил подпрыгнул на стуле. – И где она была?

– Не важно. Важно то, что карта врёт.

– Что?!

– В том месте, которое указано на вашей карте, алмазов нет.

Рафаил обеспокоенно заёрзал.

– Но мы нашли их! Я держал их в руках!

– Так найди их повторно, сын свиньи! – взревел Бонгани, одним прыжком подскочил к Рафаилу и, схватив за лацканы пиджака, поднял со стула.

– Как я это сделаю?! – тот попытался вырваться, но безуспешно, только пиджак затрещал.

– Пойдешь с нами по тому же маршруту! Ты все видел, все знаешь, ты должен найти и исправить ошибку! – полковник ревел, как раненый гиппопотам.

– Иначе пятнадцать лет французской тюрьмы, – по-прежнему спокойно сказал Фуке. – Или правосудие Борсханы – что тебе больше нравится…

Рафаил долго молчал, но не потому, что выбирал. Что тут выбирать? Рыскать по джунглям лучше, чем вариться в смоле или гнить на тюремных нарах. Но главное – сбывалась мечта: есть шанс добраться до своего тайника и обеспечить себе безбедную жизнь! Причем, спину будут прикрывать вооруженные люди, с вертолетом, связью – всем тем, чего у него не было столько лет… Так что выбрал он сразу. Просто думал, как потом выбраться из этой истории. Ведь в БББ работают люди со специфическими представлениями о договорённостях. И как только он исполнит свою миссию и станет им не нужен, будет очень проблемно покинуть Борсхану… Разве что прибегнуть к помощи французов…

– Что молчишь, животное? – рыкнул полковник Бонгани.

Фуке ожидал молча, как и подобает цивилизованному человеку. Разница между ними была очевидной. Антуан Вильре испытал некоторое облегчение. Да, французы могут ему помочь. Когда в деле две стороны, всегда можно лавировать между ними… К тому же он гражданин Франции!

– Я согласен, – кивнул Рафаил. – Где расписаться? Кровью или обычными чернилами?

– Прибереги кровь, она тебе еще пригодится, – буркнул Бонгани.

– Мне нужно поменять одежду и кое-что купить, – сказал Антуан Вильре. – Все-таки я буду представлять Францию. Не так ли? – обратился он к Фуке.

– Конечно, – кивнул тот.

– А также Бюро Безопасности Борсханы и племя буру, – саркастически добавил Бонгани. – Ты просто профессиональный дипломат!

– Но приодеться мне надо, даже если я любитель! – огрызнулся Антуан Вильре. – И приобрести маленький ножик. Он у меня заместо зубочистки.

– Для экспедиции тебя экипируют. А выходить за пределы посольства будешь только в сопровождении лейтенанта Барасы!

Полковник показал в сторону стоящего у двери «леопарда». Тот едва заметно кивнул.

– Тогда мы пойдем за новым костюмом, – Рафаил встал. – Только вот беда – у меня украли кредитку. Горько говорить, но похоже, что Париж – город воров…

Поморщившись, Бонгани вытащил толстый бумажник и бросил на стол несколько пятисотевровых купюр. Вильре небрежно сгреб их в карман и, в сопровождении Барасы, вышел из комнаты.

– Неужели Францию действительно будет представлять этот подонок? – с иронией спросил полковник Бонгани. – Надеюсь, вы пошутили?

– Скорей просто преувеличил, – Фуке тоже ответил ироничной улыбкой. – Что-то я не понял ваших планов… Двадцать семь лет назад вы провели длительную и дорогостоящую экспедицию, но результата не получили из-за технической, скорей всего, ошибки. И вместо того чтобы искать эту ошибку, снаряжаете новую экспедицию! Снова все сначала? Кто мог придумать такую глупость?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

DRM – военная разведка Франции.

2

Упоминаемые в книге события описаны в романе «Лабутены для Золушки».

Купить: https://tellnovel.com/koreckiy_danil/almazy-dlya-zolushki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити